

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

Константин Победоносцев

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Рождество Христово и святая Пасха — праздники, по преимуществу, детские, и в них как будто исполняется сила слов Христовых: *«Аще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие»*. Прочие праздники не столь доступны детскому разумению, и любезны для детей более по внешней обстановке, нежели по внутреннему значению...

Однако же и из двух названных больших праздников — дитя скорее поймет и примет простым чувством Рождество Христово.

Как счастлив ребенок, которому удавалось слышать от благочестивой матери простые рассказы о Рождестве Христа Спасителя! Как счастлива и мать, которая, рассказывая святую и трогательную повесть, встречала живое любопытство и сочувствие в своем ребенке, и сама слышала от него вопросы, в коих детская фантазия так любит разыгрываться, и, вдохновляясь этими вопросами, спешила передавать своему дитяти собственное благочестивое чувство. Для детского воображения так много привлекательного в этом рассказе.

Тихая ночь над полями палестинскими — уединенный вертеп — ясли, обставленные теми домашними животными, которые знакомы ребенку по первым впечатлениям памяти, — в яслях повитый Младенец и над Ним кроткая, любящая мать с задумчивым взором и с ясною улыбкой материнского счастья — три великолепных царя, идущих за звездой к убогому вертепу с дарами — и вдали на поле пастухи посреди своего стада, внимающие радостной вести Ангела и таинственному хору сил небесных. Потом злодей Ирод, преследующий невинного Младенца; избиение младенцев в Вифлееме — потом путешествие святого семейства в Египет — сколько во всем этом жизни и действия, сколько интереса для ребенка!

Старая и никогда не стареющая повесть! Как она была привлекательна для детского слуха, и как скоро сживалось с нею детское понятие! Оттого-то, лишь только приведешь себе на память эту простую повесть, воскресает в душе целый мир, воскресает все давно прошедшее детство с его обстановкою, со всеми лицами, окружавшими его, со всеми радостями его, возвращается в душу то же таинственное ожидание чего-то, которое всегда бывало перед праздником. Что было бы с нами, если бы не было в жизни таких минут детского восторга!

Таков вечер перед Рождеством: вернулся я от всенощной и сижу дома в той же комнате, в которой прошло все мое детство; на том же месте, где стояла колыбель моя, потом моя детская постелька, — стоит теперь мое кресло перед письменным столом. Вот окно, у которого сживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда как спать не хотелось, потому что в душе было волнение — ожидание чего-то радостного, чего-то торжественного на утро. То не было ожидание подарков — нет, — чуялось душе точно, что завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Бывало, ляжешь, а колокол разбудит тебя перед заутреней, и няня, вставшая, чтобы идти в церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобы заснуть.

Боже! Это же ожидание детских дней ощущаю я в себе и теперь... Как все во мне тихо, как все во мне торжественно! Как все во мне дышит чувством прежних лет, — и с какою духовною алчностью ожидаю я торжественного утра. Это чувство — драгоценнейший дар неба, посылаемый среди мирского шума и суеты взрослым людям, чтобы они живо вспомнили то время, когда были детьми, следовательно, были ближе к Богу и непосредственнее чем когда-либо

принимали от Него жизнь, свет, день, пищу, радость, любовь — и все, чем красен для человека мир Божий.

Но это ожидание — радости великой и великого торжества — у ребенка никогда не обманывалось. У ребенка минута ожидания так сливалась с минутою наслаждения и удовлетворения, что не было возможности уловить переход или середину. Ребенок просыпался утром — и непременно находил то, о чем думал вечером, встречал наяву то, о чем говорили ему детские сны: существенность для ребенка — не то же ли, что сон; сон его не то же ли, что существенность? Ребенок утром просыпался окруженный теми же благами жизни детской, которые бессознательно принимал каждый день, — только, освещенные праздничным светом, лица, его окружавшие, были веселее, ласки живее, игры одушевленнее. Чего же более для ребенка? Ребенок не жалел на утро о том, чего ожидал вечером: как было бессознательно вчерашнее ожидание, так и утреннее наслаждение было бессознательно...

О великая таинственная ночь! О, светлое, торжественное утро! Если забуду тебя, если останусь равнодушен к тебе, если перестану слышать те речи и словеса, коих гласы слышатся в тебе всякой душе верующей, — стало быть я забуду свое детство, свою жизнь и самую вечность... ибо что иное вечность блаженная, как не вечная радость младенца перед лицом Божиим!

Клавдия Лукашевич

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Далекий Рождественский Сочельник. Морозный день. Из окон видно, как белый, пушистый снег покрыл улицы, крыши домов и деревья. Ранние сумерки. Небо синее.

Мы с Лидой стоим у окна и смотрим на небо.

— Няня, скоро придет звезда? — спрашиваю я.

— Скоро, скоро, — торопливо отвечает старушка. Она накрывает на стол.

— Няня, смотри, вон уже звезда пришла на небо, — радостно говорит Лида.

— Эта не та.

— Почему не та? Посмотри хорошенько.

— Та будет побольше... Эта очень маленькая, — говорит няня, едва взглянув в окно.

— Ты сказала до первой звезды, — плаксиво замечает сестра.

— Ведь мы проголодались. Очень есть хочется, — говорю я.

— Подождите, детушки... Теперь уже скоро... Потерпите.

— Дай ты им чего-нибудь перекусить... Совсем заморила девочек. — Мама услышала наш разговор, вышла из своей комнаты и крепко целует нас.

— Вот еще, что выдумала!.. Разве можно есть до звезды? Целый день постились. И вдруг не дотерпеть. Грешно ведь, — серьезно возражает няня. Нам тоже кажется, что это грешно, Ведь у нас будет «кутья». Надо ее дождаться. Взрослые целый день постились и не едят до звезды. Мы тоже решили поститься, как и большие... Но сильно проголодались и нетерпеливо повторяем: «Ах, скорее бы, скорее пришла звезда».

Няня и мама накрыли стол чистой скатертью и под скатерть положили сено... Нам это очень нравится. Мы знаем, что это делается в воспоминание величайшего события: Господь наш родился в пещере и был положен в ясли на сено.

Мы не обедали, как обычно, в три часа, а будем ужинать «со звездой», т. е. когда стемнеет и на небе загорятся первые звездочки. У нас будет «кутья» из рису, «кутья» из орехов, пшеница с медом и разные постные кушанья из рыбы. Кроме того, на столе поставят в банках пучки колосьев пшеницы и овса. Все это казалось нам, детям, важным и знаменательным. В нашей квартире так было чисто прибрано, всюду горели лампы; настроение было благоговейное, и целый день поста и эта «кутья» раз в году — все говорило о наступлении великого праздника... Няня, конечно, не раз напоминала нам, что «Волхвы принесли Божественному младенцу ладан, смирну, золото и пшеницу». Оттого в Сочельник надо есть пшеницу.

Папа наш был малоросс, и многие обряды совершались в угоду ему. Где-то далеко в маленьком хуторе Полтавской губернии жила его мать с сестрой и братом. И там они справляли свою украинскую вечерю и «кутью». Папа нам это рассказывал и очень любил этот обычай. Но в сером домике бабушки и дедушки тоже в Рождественский Сочельник всегда справлялась «кутья»... Как у них, так и у нас непременно бывал в этот вечер приглашен какой-нибудь одинокий гость или гостья: дедушкин сослуживец или папин товарищ, которому негде было встретить праздник. Справив «кутью», мы отправлялись ко Всенощной. Но мы с сестрой в волнении: ждем чего-то необычайного, радостного. Да и как не волноваться: ведь наступило Рождество. Может быть, будет елка... Какое детское сердце не забьется радостью при этом воспоминании. Великий праздник Рождества, окруженный духовной поэзией, особенно понятен

и близок ребенку... Родился Божественный Младенец, и Ему хвала, слава и почести мира. Все ликovalo и радовалось. И в память Святого Младенца в эти дни светлых воспоминаний, все дети должны веселиться и радоваться. Это их день, праздник невинного, чистого детства...

А тут еще является она — зеленая стройная елочка, с которой сохранилось столько легенд и воспоминаний... Привет тебе, милая любимая елочка!.. Ты несешь нам среди зимы смолистый запах лесов и, залитая огоньками, радуешь детские взоры, как по древней легенде обрадовала Божественные очи Святого Младенца. У нас в семье был обычай к большим праздникам делать друг другу подарки, сюрпризы, неожиданно порадовать, повеселить... Все потихоньку готовили свои рукоделия, мы учили стихи; под Новый год и на Пасху под салфетки каждому клали приготовленные подарки... Нас, детей, это очень занимало и радовало. Подарки бывали простые, дешевые, но вызывали большой восторг.

Елку показывали неожиданно, сюрпризом, и родители, няня и тетушки готовили ее, когда мы ложились спать.

За два или за три дня до Рождества мама печально говорила: «Бедные девочки, нынче им елки не будет... Денег у нас с папой нет. Да и елки дороги. В будущем году мы вам сделаем большую хорошую елку. А нынче уж проживем без елки», Против таких слов ничего нельзя было возразить... Но в огорченной детской душе все-таки таилась и обида, и смутная надежда. Веришь и не веришь словам мамы и близких.

В первый день Рождества сколько счастливых детских голов поднимается ото сна с радостной грезой, в которой мерещится хвойное деревце, сколько наивных ожиданий наполняет детское воображение... И как весело, заманчиво мечтать о золотой рождественской звезде, о какой-нибудь кукле, барабане, ярких огоньках на ветвях любимого деревца. У всех детей столько мечтаний, желаний, столько надежд связано с праздником Рождества.

— Лида, Лида, понюхай, ведь елкой пахнет, — говорю я, просыпаясь в рождественское утро в самом веселом расположении духа. Румяное, полное лицо сестры отрывается от подушки. Она уморительно морщит свой маленький нос.

— Да, пахнет... Правда... Как будто бы пахнет.

— А как же говорили, что елки не будет в этом году!

— Может, и будет. В прошлом году тоже сказали: не будет. А потом все было, — вспоминает сестра. Няня уже тут как тут.

— Нянечка, отчего елкой пахнет? — серьезно спрашиваю я.

— Откуда ей пахнуть... Когда ее и в помине-то нет... Вставайте, барышни-сударышни. Сейчас «христославы» придут...

— Это дедушкины мальчишки?

— Наверно, со звездой. Дедушка им красивую склеил.

— Конечно, наш забавник старался для своих ребят... Была я у них, весь пол в кабинете замусорен, точно золотом залит... А звезда горит, переливается... Вот увидите, что это за звезда.

В то далекое время был обычай «христославам» ходить по квартирам «со звездой» и петь рождественские песни. Обыкновенно в каждом доме собиралась местная беднота: мальчишки-подростки выучивали рождественские песни, делали звезду и шли по квартирам славить Христа. Не успеешь одеться, умыться, как, бывало, няня скажет: «Пришли со звездой». Слышим топот детских ног и партия человек шесть — десять войдет в комнату. Мальчишки встанут перед образами и запоют «Рождество Твое» и «Дева днесь»... Затем громко поздравят с праздником. Иногда это пение выходило очень стройно и красиво. Было что-то трогательное и праздничное в появлении «христославов». Мы с сестрой очень это любили, радовались и с нетерпением ожидали их прихода.

«Христославы» приходили в первый день несколько раз. У нас никому не отказывали: всех

оделяли копейками и пряниками... Но мы особенно ждали «дедушкиных мальчишек». Мы бы узнали их из тысячи, они появлялись с такой прекрасной, замысловатой звездой, какой ни у кого не было. Ведь ее делал сам наш художник — дедушка. Даже нянечка и та, как-то особенно ласково и приветливо говорила:

— Ну вот, наконец-то и дедушкины ребята идут.

Мы замирали от волнения... Ребята застенчиво входят в комнату, а впереди них двигается прекрасная золотая звезда... Она на высоком древке, кругом золотое сияние — дрожит и переливается... А в середине — изображение Рождества Христова.

— Видишь, Лида, там Христос родился, — указываю я сестре на звезду.

— Вижу... Это дедушка нарисовал... Знаю...

Нам казалось, что дедушкины мальчишки пели как-то особенно громко и стройно... Знакомые приветливые лица «босоногой команды» улыбались нам с сестрой... А мы конфузились и прятались за няню, за маму. «Дедушкиных мальчишек» оделяли, конечно, щедрее других. Их даже поили горячим сбитнем... Как они бывали рады и долго вспоминали об этом.

В первый день Рождества несколько омрачалось наше радостное настроение... Мы не знали, будет у нас елка или нет...

— Мама говорит, что не будет...

— А почему она смеется, — взволнованно говорю я сестре. — Отвернулась и засмеялась...

— Она всегда смеется...

— А почему дверь в их комнату закрыта? И елкой пахнет!..

— Мама сказала, что там был угар... И комнату проветривают... Холодно там.

Рассказ про угар похож на правду и начинаешь ему верить. Все-таки волнение не покидает нас. И мы таинственно советуемся:

— Можно подглядеть в щелочку.

— Нет, нянечка говорила, что нехорошо подглядывать.

Но искушение бывало так велико, что мы украдкой подглядывали в щелочку... И видели что-то прекрасное, сверкающее, зеленое... Похожее на елку... Бывало, в своем уголке мы уже переиграем в «христославов», устроим из какого-нибудь цветка куклам елку. Но когда придут бабушка и дедушка с тетями и принесут в руках пакеты, то надежда снова наполнит наши сердца... Вскоре тетя Манюша займет нас рассказом... Заслушаешься и забудешь на время об елке... Вдруг мама запоет что-нибудь веселое... И нас торжественно введут в закрытую комнату. Дверь распахнулась — и там сияет огнями елка. Не знаю, хорош ли был старинный прием внезапно радовать детей елкой. Восторг бывал так силен, что дух захватывало от радости. Стоишь долго, рот разиня, и слова не можешь сказать. Глаза сверкают, щеки разгоряются и не знаешь, на что смотреть. А мама с папой схватят за руки и начнут кружиться вокруг елки с песнями.

Елка наша бывала скромная, маленькая, но убранная красиво, с любовью. Под елкой лежат подарки. Каждый чем-нибудь порадует другого. Тетеньки вышили нам передники. Бабушка сшила по мячику из тряпок. Папа с дедушкой сделали скамейки; мама нарисовала картинки. Няня одела наших кукол. Мы тоже всем сделали подарки: кому стихи, кому закладку, кому связали какие-то нарукавнички. Все было сделано по силам и с помощью няни. Взрослые, особенно мама и тетеньки, с нами пели и плясали кругом елки. Было весело. Но, к сожалению, в раннем детстве на наших елках и праздниках никогда не бывало детей; у нас совсем не было маленьких друзей... Помню, как-то раз няня привела детей прачки и посадила под елку. Сначала мы думали, что это огромные куклы... Но когда рассмотрели, то не было предела восторгу и радости. Мы не знали, как и чем занять, повеселить и одарить наших друзей... Ребенок все же рвется к обществу своих сверстников, к детским интересам и играм с товарищами. И кажется, та

наша елка, когда у нас были в гостях дети прачки, была самая веселая и памятная.

Совсем другие елки бывали у бабушки... На них бывало слишком много детей. «Папенька для своих мальчишек старается, а вовсе не о внучках думает», — недовольным голосом говорила тетя Саша. Но и внучки бывали в неопisanном восторге от бабушкиной елки. В маленькой квартирке серого домика скрыть само деревцо бывало невозможно... И мы его видели заранее — прелестное и разукрашенное затейливыми цепочками, фонариками, звездами и бонбоньерками. Все это бабушка клеил сам, и ему помогали папа и мама...

Но, кроме елки, на празднике нас и ребят «босоногой команды», которых в кабинете бабушки набиралось человек двенадцать — пятнадцать, всегда ожидал какой-нибудь сюрприз, который нас радовал и увлекал не менее елки. Наш затейник бабушка делал удивительные вещи: ведь он был мастер на все руки. «Что-то покажет нам бабушка? Что он еще придумал?!» — волновались мы с Лидой. Нас и других гостей отправляли в кухню, а в кабинете слышался шепот нетерпеливых голосов. Бабушка шел в залу и там сначала звонил в какие-то звонки, затем в свистульку, кричал петухом. После садился за свое фортепиано и сам играл старинный трескучий марш. Он только его и знал. Под этот марш мы выходили из кухни, а мальчишки — из кабинета. Их обыкновенно выводила мама или наш отец. Мы все под бабушкин марш обходили елку и садились на приготовленные скамейки. Сразу же начиналось представление. Каждый год оно бывало различное: однажды бабушка устроил кукольный театр, и все его бумажные актеры говорили на разные голоса, кланялись, пели, танцевали, как настоящие. В другой раз он показывал фокусы. При этом у него на голове была надета остроконечная шапка и черная мантия с золотыми звездами. Наивные зрители были поражены, как это у бабушки изо рта выходит целый десяток яблок, из носа падают монеты, исчезает в руках платок. Мы все считали его великим магом и чародеем.

Но лучше всего бабушка устраивал туманные картины. При помощи нашего отца он сам сделал великолепный волшебный фонарь, сам нарисовал на стеклах массу картин: это были вертящиеся звездочки, прыгающие друг через друга чертенята, вырастающий у старика нос необыкновенных размеров... При этом все показываемые картины старик пересыпал рассказами и прибаутками, шутками; показывая на экране какую-то тощенькую девицу, он говорил: «Вот вам девица Софья, три года на печи сохла, встала, поклонилась, да и переломилась. Хотел ее спаять, не будет стоять; хотел сколотить — не будет ходить... Я взял ее иголкой сшил и легонько пустил».

Все, конечно, покатывались от смеха, особенно мальчишки.

После представления шло веселье вокруг зажженной елки. Бабушка играл свой марш, и ребята ходили и даже плясали... Помню, что всех ребят, как и у нас, поили горячим сбитнем и чем-то угощали... Под конец бывал такой номер, против которого всегда восставали бабушка и тетки. И нам в нем строго было запрещено участвовать. Но нас он занимал и привлекал, и мы завидовали, что не можем принять участия. Елку тушили; бабушка валил ее на пол и кричал: «Разбирай, ребята!» Тут уже начиналась свалка, крики и шум. Ребята бросались на елку и очищали ее до последнего пряника... Затем со смехом выволакивали на двор и там обдирали даже ветки...

Бабушка бывал очень весел и доволен за свою босоногую команду. Он сам превращался в ребенка: пел, шутил, возился, играл свой марш... Каким светлым лучом бывал этот праздник в сереньком домике для ребят горькой бедноты, которые попадали на эту елку «советника». Она им снилась целый год и блестела еще ярче, чем та рождественская звезда, которую клеил им бабушка и с которой они славили Христа.

Иоанн Рутенин

Зима. Рождество

Мама елку украшает,
Зреют в печке пироги.
Скоро свечки замигают
Под звездою из фольги!
Снег пушинками кружится
У окошка моего.
Будем вместе веселиться:
Елка! Праздник! Рождество!

Свящ. П.Н. Воздвиженский

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Однажды праведный Иосиф и святая Мария из города Назарета, где они жили, отправились в город Вифлеем. Там в это время, по случаю народной переписи, собралось очень много людей, и все дома и даже самые маленькие хижинки уже были заняты.

Что тут делать? Иосиф и Мария шли пешком и утомились и хотели отдохнуть. Насилу могли они упросить одного доброго человека, чтобы позволил им переночевать в пещере, куда в дурную погоду загоняли скот для ночлега.

В той стране, где это происходило, зимы не бывает, а потому скот и пастухи свободно проводят ночи в поле. Эта же ночь была особенно светлая и теплая, а потому вырытая в горе пещера, или по-нашему сарай, была свободна.

Хозяин позволил Иосифу и Марии переночевать в ней. И вот здесь-то в этой пещере на соломе и родился маленький Иисус Христос.

Посмотрите, дети, Иисус, Сын Божий, Который царствует над всем миром, у Которого в руках все богатства, теперь выглядит беднее всех самых бедных детей. И в самом деле, у вас, например, есть и теплая комнатка и красивая постелька и мягкие одеяльца, а у бедного дитяти Иисуса ничего этого нет.

Он родился в скотном загоне, и Пречистая Его Мать принуждена была положить Его в яслях на соломе. Не правда-ли, дети, вам жаль маленького Иисуса?

Если жаль, если вы хотели-бы поделиться с Ним и вашими одеяльцами, и всем, чего у вас много, то всегда помните, что сказал Иисус Христос, когда он вырос. А Он говорил так:

— Кто одевает и кормит бедных, тот одевает и кормит Меня.

Вот почему, если вы хотите сделать что-либо приятное Иисусу Христу, то лучше всего помогайте бедным.

Иисус, Сын Божий, лежал в яслях, а пастухи ночевали в поле. Вдруг, как молния, к ним слетел с неба лучезарный, сияющий ангел. Страшно испугались пастухи. Но добрый ангел сказал им:

— Не бойтесь, я принес вам радостную весть: идите в свою пещеру, там вы увидите маленькое дитя, которое и есть Иисус, Сын Божий, Спаситель мира. Едва скрылся этот ангел, как слышат пастухи, с неба полились чудные звуки, словно там заиграли на прелестном большом органе. Это целые хоры ангелов сошли с небес, чтобы приветствовать Младенца Иисуса, Своего Царя и Создателя.

Все ангелы пели и радовались, что любящий Господь послал на землю Своего Сына, чтобы всех людей сделать добрыми и взять их потом в свое Небесное Царство. Когда ангелы улетали, пастухи отправились в пещеру, и, увидев там Божественное Дитя, поклонились Ему до земли.

Над пещерой, где родился Иисус Христос, по повелению Божию, за-сияла необычайно красивая большая звезда. Ее видели многие люди, а один царь по имени Ирод созвал к себе ученых и послал их разузнать, что случилось. Эти ученые назывались волхвами. Они тоже пришли в пещеру поклонились Младенцу и принесли Ему в дар золото и дорогие ароматные вещества.

Сельма Лагерлеф

СВЯТАЯ НОЧЬ

Когда мне было пять лет, меня постигло большое горе. Я не знаю, испытала ли я впоследствии горе большее, чем тогда.

У меня умерла бабушка. До того времени она каждый день сидела на угловом диване в своей комнате и рассказывала чудные вещи.

Я не помню бабушку иной, как сидящей на своем диване и рассказывающей с утра до ночи нам, детям, притаившимся и смирно сидящим возле нее; мы боялись проронить хоть слово из рассказов бабушки. Это была очаровательная жизнь! Не было детей, более счастливых, чем мы.

Я смутно помню образ бабушки. Помню, что у нее были прекрасные, белые, как мел, волосы, что была она очень сгорбленна и постоянно вязала свой чулок.

Еще помню, что, когда бабушка кончала рассказ, она клала свою руку мне на голову и говорила:

«И все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня».

Помню, что бабушка умела петь красивые песни; но пела их бабушка не каждый день. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и морской деве, к этой песне был припев:

«Как холодно веет ветер, как холодно веет ветер по широкому морю».

Вспоминаю я маленькую молитву, которой научила меня бабушка, и стихи псалма.

О всех рассказах бабушки сохранилось у меня лишь слабое, неясное воспоминание. Только один из них помню я так хорошо, что могу рассказать. Это — маленький рассказ о Рождестве Христовом.

Вот, почти все, что у меня сохранилось в памяти о бабушке; но лучше всего я помню горе, которое меня охватило, когда она умерла.

Я помню то утро, когда угловой диван остался пустым, и было невозможно себе представить, как провести длинный день. Это помню я хорошо и никогда не забуду.

Нас, детей, привели, чтобы проститься с умершей. Нам было страшно поцеловать мертвую руку; но кто-то сказал нам, что последний раз мы можем поблагодарить бабушку за все радости, которые она нам доставляла.

Помню, как ушли сказания и песни из нашего дома, заколоченные в длинный черный гроб, и никогда не вернулись.

Помню, как что-то исчезло из жизни. Будто закрылась дверь в прекрасный волшебный мир, доступ в который нам был до того совершенно свободен. С тех пор не стало никого, кто смог бы снова открыть эту дверь.

Помню, что пришлось, нам, детям, учиться играть в куклы и другие игрушки, как играют все дети, и постепенно мы научились и привыкли к ним.

Могло показаться, что заменили нам новые забавы бабушку, что забыли мы ее.

Но и сегодня, через сорок лет, в то время, как разбираю я сказания о Христе, собранные и слышанные мною в далекой чужой стране, в моей памяти живо встает маленький рассказ о Рождестве Христовом, слышанный мной от бабушки. И мне приятно еще раз его рассказать и поместить в своем сборнике.

Это было в Рождественский сочельник. Все уехали в церковь, кроме бабушки и меня. Я думаю, что мы вдвоем были одни во всем доме; только мы с бабушкой не смогли поехать со всеми, потому что она была слишком стара, а я слишком мала. Обе мы были огорчены, что не услышим Рождественских песнопений и не увидим священных огней.

Когда уселись мы, одинокие, на бабушкином диване, бабушка начала рассказывать:

«Однажды глубокой ночью человек пошел искать огня. Он ходил от одного дома к другому и стучался;

— Добрые люди, помогите мне — говорил он. — Дайте мне горячих углей, чтобы развести огонь: мне нужно согреть только что родившегося Младенца и Его Мать.

Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец увидел он вдали огонек. Он направился к нему и увидел, что это — костер. Множество белых овец лежало вокруг костра; овцы спали, их сторожил старый пастух.

Человек, искавший огня, подошел к стаду; три огромные собаки, лежавшие у ног пастуха, вскочили, заслыша чужие шаги; они раскрыли свои широкие пасти, как будто хотели лаять, но звук лая не нарушил ночной тишины. Человек увидел, как шерсть поднялась на спинах собак, как засверкали в темноте острые зубы ослепительной белизны, и собаки бросились на него. Одна из них схватила его за ногу, другая — за руку, третья — вцепилась ему в горло; но зубы и челюсти не слушались собак, они не смогли укусить незнакомца и не причинили ему ни малейшего вреда.

Человек хотеть подойти к костру, чтобы взять огня. Но овцы лежали так близко одна к другой, что спины их соприкасались, и он не мог дальше идти вперед. Тогда человек взобрался на спины животных и пошел по ним к огню. И ни одна овца не проснулась и не пошевелилась».

До сих пор я, не перебивая, слушала рассказ бабушки, но тут я не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Почему не пошевелились овцы? — спросила я бабушку.

— Это ты узнаешь, немного погодя, — ответила бабушка и продолжала рассказ:

«Когда человек подошел к огню, заметил его пастух. Это был старей, угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Завидя чужого человека, он схватил длинную, остроконечную палку, которой гонял свое стадо, и с силой бросил ее в незнакомца. Палка полетела прямо на человека, но, не коснувшись его, повернула в сторону и упала где-то далеко в поле».

В этом месте я снова перебила бабушку:

— Бабушка, почему палка не ударила человека? — спросила я; но бабушка мне ничего не ответила и продолжала свой рассказ.

«Человек подошел к пастуху и сказал ему:

— Добрый друг! Помоги мне, дай мне немного огня.

Только что родился Младенец; мне надо развести огонь, чтобы согреть Малютку и Его Мать.

Пастух охотнее всего отказал бы незнакомцу. Но когда он вспомнил, что собаки не смогли укусить этого человека, что овцы не разбежались перед ним, и палка не попала в него, как-будто не захотела ему повредить, пастуху стало жутко и он не осмелился отказать незнакомцу в его просьбе.

— Возьми, сколько тебе надо, — сказал он человеку.

Но огонь уже почти потух. Сучья и ветки давно сгорели, оставались лишь кроваво-красные уголья, и человек с заботой и недоумением думал о том, в чем донести ему горячие уголья.

Заметя затруднение незнакомца, пастух еще раз повторил ему:

— Возьми, сколько тебе надо!

Он с злорадством думал, что человек не сможет взять огня. Но незнакомец нагнулся, голыми

руками достал из пепла горячих углей и положил их в край своего плаща. И уголья не только не обожгли ему руки, когда он их доставал, но не прожгли и плаща, и незнакомец пошел спокойно назад, как будто нес в плаще не горячие уголья, а орехи или яблоки».

Тут снова не могла я удержаться, чтобы не спросить:

— Бабушка! почему не обожгли уголья человека и не прожгли ему плащ?

— Ты скоро это узнаешь — ответила бабушка и стала рассказывать дальше.

«Старый, угрюмый, злой пастух был поражен всем, что пришлось ему увидеть.

— Что это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, палка не ударяет и огонь не жжет?

Он окликнул незнакомца и спросил его:

— Что сегодня за чудесная ночь? И почему животные и предметы оказывают тебе милосердие?

— Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь, — ответил незнакомец и пошел своей дорогой, торопясь развести огонь, чтобы согреть Мать и Младенца.

Но пастух не хотел терять его из вида, пока не узнает, что все это значит. Он встал и пошел за незнакомцем, и дошел до его жилища.

Тут увидел пастух, что человек этот жил не в доме и даже не в хижине, а в пещере под скалой; стены пещеры были голы, из камня, и от них шел сильный холод. Тут лежали Мать и Дитя.

Хотя пастух был черствым, суровым человеком, но ему стало жаль невинного Младенца, который мог замерзнуть в каменистой пещере, и старик решил помочь Ему. Он снял с плеча мешок, развязал его, вынул мягкую, теплую пушистую овечью шкурку, и передал ее незнакомцу, чтобы завернуть в нее Младенца.

Но в тот же миг, когда показал пастух, что и он может быть милосердным, открылись у него глаза и уши, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидел, что пещеру окружают множество ангелов с серебряными крыльями и в белоснежных одеждах. Все они держат в руках арфы и громко поют, славословя родившегося в эту ночь Спасителя Мира, Который освободит людей от греха и смерти.

Тогда понял пастух, почему все животные и предметы в эту ночь были так добры и милосердны, что не хотели никому причинить вреда.

Ангелы были всюду; они окружали Младенца, сидели на горе, парили под небесами. Всюду было ликование и веселье, пение и музыка; темная ночь сверкала теперь множеством небесных огней, светилась ярким светом, исходившим от ослепительных одежд ангелов. И все это увидел и услышал пастух в ту чудесную ночь, и так был рад, что открылись глаза и уши его, что упал на колени и благодарил Бога».

Тут бабушка вздохнула и сказала:

— То, что увидел тогда пастух, могли бы и мы увидеть, потому что ангелы каждую Рождественскую ночь летают над землею и славословят Спасителя, но если бы мы были достойны этого.

И бабушка положила свою руку мне на голову и сказала:

— Заметь себе, что все это такая же правда, как то, что я тебя вижу, а ты меня. Ни свечи, ни лампы, ни солнце, ни луна не помогут человеку: только чистое сердце открывает очи, которыми может человек наслаждаться лицезрением красоты небесной.

Перевёл с англ. и пересказал В.ГРИГОРЯН

ЗАРЯНКА

Расскажу вам историю, услышанную от моей бабушки. Ей эту историю рассказала бабушка, а бабушке — прабабушка.

Дело было будто бы в самое первое Рождество, когда Христос еще лежал в яслях, а в хлеву было очень холодно.

Спасал лишь крохотный костер, разведенный в очаге на глиняном полу. Богородица глядела на огонек и думала со страхом, что еще немного, и он погаснет. А сил подойти и подуть на угли у Девы Марии не было.

Она попросила вола:

— Пожалуйста, подуй на костер, добрый вол.

Но громадное животное жевало что-то, думало о своем и не услышало просьбы.

Богородица обратилась к овце:

— Пожалуйста, подуй на костер, добрая овца.

Но и овца жевала что-то и тоже думала о чем-то своем. В этот момент она могла слышать разве что удар грома, но никак не слабый голос Матери Божьей.

Между тем угольки цвели все скромнее, еще несколько мгновений, и они погаснут. И вдруг послышалось шуршание маленьких крыльев.

То была птица зарянка (малиновка), впрочем, в то время ее звали совсем иначе.

Ее крылья затрепетали над угасающим костром. Подобно небольшим кузнечным мехам, они обдавали его воздухом. Угли стали ярко-красными, а зарянка продолжала махать крыльями и при этом ухитрялась петь, насвистывая что-то жизнерадостное.

Иногда она отвлекалась от угольков, собирая клювом сухие хворостинки, и подбрасывала их в костер. Пламя понемножку разгоралось и стало нестерпимо жечь птичке грудь, которая становилась все более красной. Но зарянка терпеливо переносила боль. Она продолжала раздувать огонь до тех пор, пока он весело не затрещал в очаге и не согрел хлев.

Младенец Иисус в это время спал и во сне улыбался.

Пресвятая же Мать посмотрела нежно на красную грудку птицы, обожженную пламенем, и сказала: «Отныне пусть эта грудь будет священным напоминанием о твоём поступке».

Так и получилось. С той Святой ночи красная грудка зарянки напоминает нам, какое благородное сердце в ней таится.

Саша Черный

Рождественское

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен Его волос...
Бык дохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.
Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть Дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:
«Посмотреть бы на Ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

Дары Артабана

В дни Ирода царя, когда в убогой пещере близ Вифлеема родился Спаситель мира Иисус, в восточных странах на небе вдруг загорелась громадная, невиданная ранее звезда. Звезда сияла ярким, блестящим светом и медленно, но постоянно двигалась в одну сторону, туда, где находилась еврейская земля. Звездочеты, или, как их называли у них на родине, маги, волхвы, обратили внимание на новое светило. По их мнению, это было знамение Божие, что где-то родился давно предсказанный в еврейских книгах Великий Царь, Избавитель людей от зла, Учитель новой праведной жизни. Некоторые из них — особенно тосковавшие о Божьей правде на земле и скорбевшие, что в людях так сильно беззаконие, решили идти искать рожденного Царя, чтобы поклониться и послужить Ему. Где его найдут, точно не знали; может быть, придется ехать долго, а дороги были в ту пору опасные, так они и решили сначала в определенное время собраться всем в условном месте, а затем общим караваном направиться по указанию звезды на поиски рожденного Великого Царя.

Вместе с другими волхвами собрался на поклонение и великий персидский мудрец Артабан. Он продал все свои имения, богатый дом в столице и на вырученные деньги купил три драгоценных камня: сапфир, рубин и жемчужину. Громадной цены стоили эти камни; целое сокровище было заплачено за них, зато и красота их была редкостной. Один сиял, как частица голубого неба в ясную звездную ночь; другой горел ярче пурпурной зари при восходе солнца; третий белизною превосходил снежную вершину горы. Все это, вместе с сердцем, полным самой горячей, беззаветной любви, Артабан думал сложить у ног рожденного Царя истины и добра.

Собрал в своем доме Артабан в последний раз близких друзей, простился с ними и отправился в путь. До места сбора надо было ехать несколько дней, но Артабан не боялся опоздать. Конь под ним был борзый и крепкий, время он высчитал точно и каждый день исправно проезжал необходимый конец. В последние сутки ему оставалось несколько десятков верст, и он хотел ехать всю ночь, чтобы засветло прибыть к назначенному месту.

Верный конь бодро ступал под ним; ночной ветерок навевал прохладу; над головой, в бесконечной дали небосклона, как яркая лампада пред престолом Бога, сияла новая звезда.

— Вот он знак Божий! — говорил себе Артабан, не сводя глаз со звезды. — Великий Царь идет к нам с неба, и я скоро, Господи, увижу Тебя. Быстрее, мой друг! Прибавь еще шаг! — подбадривает он своего коня, ласково трепля его по гриве.

И конь надавал ходу; громко и часто стучали его копыта по дороге среди пальмового леса. Мрак начинал редеть; кое-где слышалось чириканье просыпающихся птиц. Чужалась близость наступающего утра. Вдруг конь остановился, захрапел, стал пятиться назад. Артабан пристально взгляделся в дорогу и увидел расprostертого человека. Он быстро слез на землю, подошел к лежащему и осмотрел. То был еврей, обессиленный страшным припадком ужасной в тех местах лихорадки. Его можно было бы принять по виду за мертвеца, если бы не слабый, едва слышный стон, который изредка протяжно вырывался из запекшихся уст.

Артабан задумался: ехать мимо, торопиться к сборищу, оставить больного — не позволяет совесть; а остаться с евреем, чтобы поднять его на ноги, надо потратить много часов; опоздаешь к условленному часу, уедут без тебя.

— Что делать? — спрашивал себя Артабан. — Еду, — решил было он и занес даже ногу в стремя, но больной, словно чуя, что его покидает последняя помощь, застонал так тяжело, что его стон болью отдался в сердце волхва.

— Боже великий, — взмолился он. — Ты знаешь мои мысли, Ты знаешь, как я стремлюсь к

Тебе; направь меня на правый путь. Не Твой ли голос любви говорит в моем сердце? Я не могу проехать мимо; я должен помочь несчастному еврею.

С этими словами волхв подошел к больному, развязал ему одежду, принес из соседнего ручья воды, освежил ему лицо и запекшиеся уста, достал из притороченного к седлу тюка какие-то лекарства, которых там был большой запас, подмешал к вину и влил в рот еврею; растирал ему грудь и руки и так целые часы провел над больным.

Заря давно миновала, солнце уже высоко поднялось над лесом; время близилось к полудню. Еврей пришел в себя, поднялся на ноги и не знал, — как благодарить доброго незнакомца.

— Кто ты? — спрашивал Артабана еврей. — Скажи, за кого я и вся моя семья будем молить Бога до последних наших дней? И почему лицо твое так печально? Какое горе сокрушает тебя?

Артабан с грустью поведал, кто он, куда едет и что теперь он, наверное, опоздал.

— Мои товарищи, конечно, уехали одни, — говорил он, — и я не найду, не увижу желанного Царя.

Лицо еврея озарилось радостью? — Не грусти, благодетель. Я могу тебе хоть немногим отплатить за твое добро. В священных книгах сказано, что обещанный от Бога Царь правды родится в городе Вифлееме. Пусть твои друзья уехали; ты поезжай в Вифлеем и, если Мессия родился, найдешь Его там.

Еврей простился, еще раз поблагодарил и пошел своей дорогой. Артабан вернулся назад: одному, нечего было и думать ехать через пустыню, — надо было взять слуг для охраны, закупить верблюдов, забрать провизии, запастись водой. Прошла неделя. Пришлось продать один камень, чтобы снарядить караван, но Артабан этим не очень печалился: оставалось еще два камня. Главное, не опоздать бы к Царю; и он торопит слуг, спешит изо всех сил. Вот, наконец, и Вифлеем. Усталый, запыленный, но счастливый и веселый подъезжает он к первому же домику, быстро входит внутрь и осыпает хозяйку вопросами:

— Не были ли здесь, в Вифлееме, пришлые люди с Востока, к кому они обращались и где они теперь?

Хозяйка — молодая женщина — кормила грудью ребенка и сначала смутилась видом незнакомца, потом успокоилась и рассказала, что несколько дней тому назад приходили сюда какие-то чужеземцы, отыскивали Марию из Назарета и принесли Ее Младенцу богатые дары. Куда они делись — неизвестно; а в ту же ночь скрылись из Вифлеема и Мария с Младенцем и Иосифом.

— В народе толкуют, что они ушли в Египет, что Иосифу был сон и что Господь велел им удалиться отсюда.

Пока мать говорила, ребенок сладко заснул, и чистая улыбка играла на его прекрасном и невинном лице. Артабан не успел еще обдумать, что ему делать, как вдруг на улице послышались дикие крики, лязг оружия и надрывающий душ) женский плач. Полураздетые, простоволосые женщины с искаженными от ужаса лицами, бежали куда-то вдоль селения, неся своих малюток, и вопили: «Спасайтесь! Солдаты Ирода убивают наших детей».

Лицо молодой женщины побледнело, глаза расширились. Прижав к себе спящего крошку, она могла сказать только:

— Спаси, спаси ребенка! Спаси его, и Бог спасет тебя. Артабан, не помня себя, бросился к двери; там, за порогом, стоял уже начальник отряда, а за ним виднелись зверские лица воинов, державших мечи, окрашенные кровью невинных младенцев. Рука Артабана как-то сама рванулась к груди; он быстро достал из-за пазухи мешок, выхватил драгоценный камень и подал начальнику отряда.

— Возьми камень и иди отсюда; оставь женщину и дитя в покое.

Тот отроду не видал такой драгоценности, жадно схватил камень и быстро увел своих воинов

в другое место доканчивать страшное дело. Женщина пала перед Артабаном на колени и голосом, идущим от сердца, говорила:

— Да благословит тебя Бог за моего ребенка. Ты ищешь Царя правды, любви и добра, да воссияет пред тобою Его лик, и да взирает Он на тебя с тою любовью, с какою я теперь смотрю на тебя.

Бережно поднял ее на ноги Артабан и слезы не то радости, не то грусти текли по его щекам. «Боже истины, прости меня! Ради этой женщины и ее ребенка я отдал предназначенный Тебе камень. Увижу ли я когда-нибудь Твой лик? И здесь я опоздал опять. Пойду вслед за Тобою в Египет».

И долго бедный волхв ходил, отыскивая Царя правды; прошел он много стран, много перевидал разного народу, а искомого Царя найти не мог. И больно сжималось его сердце, не раз он плакал горькими слезами. «Господи! — думалось ему, — сколько везде горестей, муки, несчастий! Скоро ли Ты явишь Себя, облегчишь людям жизнь?»

Что мог, он делал сам: лечил больных, помогал бедным (от продажи первого камня у него остались большие деньги), утешал несчастных, навещал узников, и годы его за этими трудами убегали так быстро, как бегают челнок ткача по выработываемой ткани. Последнюю жемчужину он бережно хранил у сердца, надеясь хотя бы ее поднести в дар Царю, когда Его отыщет.

Прошло тридцать три года, как Артабан оставил родину, Стан его сгорбился, волосы побелели, глаза померкли, руки и ноги ослабели, а в сердце по-прежнему горела любовь к Тому, Кого он искал с давних пор. И прослышал тут престарелый волхв, что в Иудее появился Посланник Божий, что Он совершает дивные дела, воскрешает мертвых, а отверженных грешников и отчаянных злодеев делает святыми.

Радостно забилося усталое сердце Артабана. «Теперь, — думает он, — я найду Тебя и послужу Тебе».

Приходит в Иудею; весь народ идет в Иерусалим на праздник Пасхи. Там и Сам Спаситель, Которого чае видеть волхв.

С толпами богомольцев достигает священного города Артабан и видит на улицах большое движение: людской поток куда-то неудержимо льется; все бегут, друг друга обгоняют.

— Куда это спешат люди? — спрашивает Артабан.

— На Голгофу! Так за городом называется холм. Там сегодня вместе с двумя разбойниками распинают Иисуса из Назарета, Который называл себя Сыном Божиим, Царем Иудейским.

Упал на землю Артабан и горько зарыдал.

— Опять опоздал. Не дано мне видеть Тебя, Господи! Не привелось и послужить Тебе. А, впрочем, может быть еще не совсем поздно, подойду к Его мучителям, предложу им мою жемчужину и, быть может, они возвратят Ему свободу и жизнь.

Поднялся Артабан и, как мог, поспешил за толпой на Голгофу. На одном из перекрестков ему преградил дорогу отряд солдат. Воины тащили девушку редкой красоты в тюрьму. Она увидела волхва, по одежде признала в нем перса и ухватилась за край его одежды.

— Сжался надо мною! — молила она. — Освободи меня. Я с тобой из одной страны. Мой отец приехал сюда по торговым делам, привез с собой меня, заболел и умер. За долги отца меня хотят продать в рабство, обречь на позор. Спаси меня! Избавь от бесчестья, молю тебя, спаси!

Задрожал старый волхв. Прежняя борьба, как в пальмовой роще при встрече с больным евреем и в Вифлееме во время избиения детей, снова вспыхнула в сердце: сохранить ли камень для Великого Царя или отдать в помощь несчастной? Жалость к бедной невольнице взяла верх.

Достал Артабан с груди последнюю жемчужину и дал ее девушке:

— Вот тебе на выкуп, дочь моя. Тридцать три года я берег это сокровище для моего Царя. Видно, я не достоин поднести ему Дар.

Пока он говорил, небо заволжлось тучами, среди дня тьма легла над землею; земля словно тяжело вздохнула, затряслась; загремел гром, молния прорезала небо от края до края; слышался треск; задрожали дома, стены покачнулись; дождем посыпались камни. Тяжелая черепица сорвалась с крыши и разбила голову старику.

Он повалился на землю и лежал бледный, истекая кровью. Девушка наклонилась к нему, чтобы помочь. Артабан зашевелил губами и стал что-то шепотом говорить; глаза его открылись, засветились радостью, по лицу разлилась кроткая улыбка. Казалось, умирающий видит кого-то незримого перед собою и беседует с ним. Девушка нагнулась близко к волхву и услышала, как он прерывающимся шепотом говорил:

— Господи! Да когда же я видел Тебя голодающим и накормил; когда видел жаждущим и напоил? Когда я приютил Тебя странником, одел нагого Тебя? Тридцать три года, блуждая из страны в страну, я искал Тебя и ни разу не видел Твоего лица, не мог послужить Тебе, моему Царю, на земле.

Старик замолк, грудь его тихо вздымалась. Сквозь нависшие тучи пробился луч солнца и осветил лицо волхва. Подул тихий ветерок, мягко шелестя волосами умирающего, и вместе с этим ветром, словно на крыльях его, откуда-то с выси донесся ласковый голос:

— Истинно говорю тебе: все, что ты сделал нуждающимся братьям твоим, ты сделал Мне.

Лицо Артабана преобразилось: на него легла печать величавого спокойствия и самой светлой, полной радости; он облегченно вздохнул всей грудью, благодарно поднял к небу свои очи и навеки почил. Кончились долгие странствования старого волхва; нашел, наконец, Артабан Спасителя, были приняты и его дары.

Рождественский ангел

— Подайте, Христа — ради, милостыньку! Милостыньку, Христа — ради!..

Никто не слышал этих жалобных слов, никто не обращал внимания на слезы, звучавшие в словах бедно-одетой женщины, одиноко стоявшей на углу большой и оживленной городской улицы.

— Подайте милостыньку!..

Прохожие торопливо шагали мимо нее, с шумом неслись экипажи по снежной дороге. Кругом слышался смех, оживленный говор...

На землю спускалась святая, великая ночь под Рождество Христово. Она сияла звездами, окутывала город таинственной мглой.

Милостыньку... не себе, деткам моим прошу...

Голос женщины вдруг оборвался, и она тихо заплакала, Дрожа под своими лохмотьями, она вытирала слезы окоченевшими пальцами, но они снова лились по ее исхудалым щекам. Никому не было до нее дела...

Да она и сама не думала о себе, о том, что совсем замерзла, что с утра не ела ни крошки... Вся мысль ее принадлежала детям, сердце болело за них...

Сидят они, бедные, там, в холодной темной конуре, голодные, иззябшие... и ждут ее... Что она принесет или что скажет? Завтра великий праздник, всем детям веселье, только ее бедные детки голодны и несчастны.

Что делать ей? Что делать? Все последнее время она работала, как могла, надрывала последние силы...

Потом слегла и потеряла последнюю работу...

Подошел праздник, ей негде взять куска хлеба...

О, детки, бедные детки! Ради них, она решилась, в первый раз в жизни, просить милостыню... Рука не поднималась, язык не поворачивался... Но мысль, что дети ее есть хотят, что они встретят праздник — голодные, несчастные, эта мысль мучила ее, как пытка. Она готова была на все. И за несколько часов ей удалось набрать несколько копеек... Несчастные дети! У других детей — елка, они — веселы, довольны в этот великий праздник, только ее — дети...

«Милостыньку, добрые люди, подайте! Подайте, — Христа — ради!».

И словно в ответ на ее отчаяние, неподалеку раздался благовест... ко всенощной. Да, надо пойти, помолиться... Быть может, молитва облегчит ее душу... Она помолится усердно о них, о детях... Неверными шагами доплелась она до церкви...

Храм освещен, залит огнями... Всюду масса людей... веселые довольные лица. Притаившись в уголке, она упала на колени и замерла... Вся безграничная, материнская любовь, вся ее скорбь о детях вылилась в горячей молитве, в глухих скорбных рыданиях. «Господи, помоги! Помоги!» плачет она. И кому, как не Господу Покровителю и Защитнику слабых и несчастных, вылить ей все свое горе, всю душевную боль свою? Тихо молилась она в уголке, и слезы градом лились по бедному лицу.

Она не заметила, как кончилась всенощная, не видела, как к ней подошел кто-то...

— О чем вы плачете? — раздался за ней нежный голос, показавшийся ей небесной музыкой.

Она очнулась, подняла глаза и увидела перед собой маленькую, богато одетую девочку. На нее глядели с милым участием ясные детские глазки. Сзади девочки стояла старушка-няня.

— У вас есть горе? Да? Бедная вы, бедная! Эти слова, сказанные нежным, детским голосом, глубоко тронули ее.

Горе! Детки у меня голодны, с утра не ели... Завтра праздник такой... великий...

— Не ели? Голодны? — На лице девочки выразился ужас.

— Няня, что же это! Дети не ели ничего! И завтра будут голодны! Нянечка! Как же это?

Маленькая детская ручка скользнула в муфту.

— Вот, возьмите, тут есть деньги... сколько, я не знаю... покормите детей... ради Бога... Ах, няня, это ужасно! Они ничего не ели! Разве это можно, няня!

На глазах девочки навернулись крупные слезы.

— Чтож, Маничка, делать! Бедность у них! И сидят, бедные, в голоде да в холоде. Ждут, не поможет-ли им Господь!

— Ах, няничка, мне жаль их! Где вы живете, сколько у вас детей?

— Муж умер — с полгода будет... Трое ребят на руках осталось. Работать не могла, хворала все время... Вот и пришлось с рукой по миру идти... Живем мы, недалеко... вот тут... в подвале, на углу, в большом каменном доме купца Осипова...

— Няня, почти рядом с нами, а я и не знала!.. Пойдем скорее, теперь я знаю, что надо делать!

Девочка быстро вышла из церкви, в сопровождении старухи.

Бедная женщина машинально пошла за ними. В кошельке, который был у нее в руках, лежала пятирублевая бумажка. Забыв все, кроме того, что она может теперь согреть и накормить дорогих ребятков, она зашла в лавку, купила провизии, хлеба, чаю, сахару и побежала домой. Щеп осталось еще довольно, печку истопить ими хватит.

Она бежала домой из всех сил.

Вот и темная конурка. Три детских фигурки бросились к ней на встречу.

— Маминька! Есть хочется! Принесла ли ты! Родная!

— Она обняла их всех троих и облила слезами.

— Послал Господь! Надя, затопи печку, Петюша, ставь самовар! Погреемся, поедим, ради великого праздника!

В конурке, сырой и мрачной, наступил праздник. Дети были веселы, согрелись и болтали. Мать радовалась их оживлению, их болтовне. Только изредка приходила в голову печальная мысль... что же дальше? Что дальше будет?

— Ну, Господь не оставит! — Говорила она себе, возлагая всю надежду на Бога.

Маленькая Надя тихо подошла к матери, прижалась к ней и заговорила.

— Скажи мама, правда, что в рождественскую ночь с неба слетает рождественский ангел и приносит подарки бедным детям! Скажи, мама!

Мальчики тоже подошли к матери. И желая утешить детей, она начала им рассказывать, что Господь заботится о бедных детях и посылает им Своего ангела в великую, рождественскую ночь, и этот ангел приносит им подарки и гостинцы!

— И елку, мама?

— И елку, детки, хорошую, блестящую елку! В дверь подвала кто-то стукнул. Дети бросились отворить. Показался мужик, с маленькой зеленой елкой в руках. За ним хорошенькая, белокурая девочка с корзиной, в сопровождении няни, несшей за ней разные свертки и пакеты.

Дети робко прижались к матери.

— Это ангел, мама, это ангел? — тихо шептали они, благоговейно смотря на хорошенькую нарядную девочку.

Елка давно стояла уже на полу. Старуха няня развязала пакеты, вытащила из них вкусные булочки, кренделя, сыр, масло, яйца, убирала елку свечами и гостинцами. Дети все еще не могли прийти в себя. Они любовались на «ангела». И молчали, не двигаясь с места.

— Вот вам, встречайте весело Рождество! — прозвучал детский голосок. С праздником!

Девочка поставила на стол корзину и исчезла, прежде чем дети и мать опомнились и пришли

в себя.

«Рождественский ангел» прилетел, принес детям елку, гостинцы, радость и исчез, как лучезарное виденье...

Дома Маню ждала мама, горячо обняла ее и прижала к себе.

— Добрая моя девочка! — говорила она, целуя счастливое личико дочери. Ты отказалась сама от елки, от гостинцев и все отдала бедным детям! Золотое у тебя сердечко! Бог наградит тебя...

Маня осталась без елки и подарков, но вся сияла счастьем. С своим милым личиком, золотистыми волосами она в самом деле походила на «рождественского ангела».

Ф. Достоевский

Божий дар

Крошку-ангела в сочельник
Бог на землю посылал:
«Как пойдешь ты через ельник,
— Он с улыбкою сказал, —
Елку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».
И смутился ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», — Бог ответил.
И небесный гость пошел.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вел.
Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждет...
Вскинув елочку на плечи,
Ангел с радостью идет...
Загляните в окна сами, —
Там большое торжество!
Елки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.
И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Елку Божью подарить.
И прекрасных и послушных
Много видел он детей. —
Все при виде божьей елки,
Все забыв, тянулись к ней.
Кто кричит: «Я елки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»
«Нет, я елочки достойна
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.

Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел... «Боже мой!
Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»
И на улице встречает
Ангел крошку, — он стоит,
Елку Божью озирает, —
И восторгом взор горит.
Елка! Елочка! — захопал
Он в ладоши. «— Жаль, что я
Этой елки не достоин
И она не для меня...
Но снеси ее сестренке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, —
Стоит елочки она!
Пусть не плачется напрасно!»
Мальчик ангелу шепнул.
И с улыбкой ангел ясный
Елку крошке протянул.
И тогда каким-то чудом
С неба звезды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветви елочки впились.
Елка искрится и блещет, —
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет
Изумленный мальчуган...
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слез,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принес.

Джон КЭРИ (перевод с англ.)

ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Это было за четыре дня до Рождества. Дух сезона овладел, наконец, и мной. Собравшись с силами, я вышел из дома, полный решимости обеспечить подарками всех своих бесчисленных родных и друзей.

А сделать это было вовсе непросто. Начать с того, что я долго не мог найти место, куда поставить машину. Стоянки были забиты до отказа, ведь весь Нью-Йорк вместе со мной вышел на охоту за рождественскими сюрпризами.

Внутри магазина было еще хуже. Толпы людей носились по всем этажам, как сумасшедшие, тележки, набитые блестящими коробками и пакетами, ежеминутно грозили сбить меня с ног.

Прошел час, другой. Мои ноги болели почти так же сильно, как и моя голова. Я вспоминал тех, для кого стараюсь, и размышлял: что будут делать они потом со всеми этими горами ненужных вещей? ради чего я здесь мучаюсь?

— Увы, — вздохнул я, представив, как обидятся те, кого я обойду вниманием, — деваться решительно некуда.

Когда подходил к кассе, корзинка моя была полна уже доверху.

Впереди, в очереди, стояли человек двадцать, среди них мальчик в изодранных кроссовках и потрепанной куртке. В руке он держал несколько помятых долларов.

Рядом с ним была девочка, надо полагать, сестра, кудри которой явно нуждались в услугах парикмахера. Копна волос была такой спутанной, что никакая расческа была бы не в состоянии с ней справиться. Одетая девочка была не лучше брата.

Тем не менее, она была почти счастлива, напевая что-то, ужасно фальшивя, под стереомузыку, звучащую в магазине. В руках девочка держала очень бережно, как величайшее сокровище, пару золотистых туфель. Когда дети приблизились к кассе, там что-то зазвенело, застучало:

— С вас шесть девяносто, — сказала дама-кассир.

Мальчик встревожился, растерянно положил на тарелку свои мятые деньги и, волнуясь, произнес:

— Здесь три двенадцать. Можно, остальное мы принесем после Рождества?

— Нет, — сухо прозвучало в ответ, — магазин в долг не торгует.

Девочка, прижимая туфли к себе, заплакала, потом заявила:

— Но ведь Спасителю угодно, чтобы мы купили эти туфли.

— Не реви, — коротко бросил ей брат. Его губы были плотно сжаты, а глаза горели. — Пойдем отсюда.

Тут я не выдержал и положил на стойку кассы три недостающих доллара. Дети так долго стояли в очереди, и, в конце концов, ведь Рождество на носу — пусть веселятся.

Ребята замерли, не веря своему счастью. Кассирша пробила чек. Я расплатился за свои покупки и, чтобы вернуть детей к жизни, спросил с улыбкой:

— Почему вы думаете, что Иисусу нужны эти туфельки?

Ответил мальчик:

— Наша мама больна. Говорят, что скоро она попадет на небо. А учитель в воскресной школе сказал, что там, на небе, все солнечное, золотое. Так пусть и мама тоже будет красивой, когда

встретится со Спасителем...

Я стоял, забыв о своей корзине, набитой бессмысленными дарами. Молчал и, чтобы не заплакать, старался не смотреть на золотые туфельки, которые девочка все так же крепко прижимала к груди.

Наконец тихо произнес:

— Да, она будет красивой.

Ханс Кристиан Андерсен

Девочка со спичками

Морозило, шел снег, на улице становилось все темнее и темнее. Это было как раз под Новый год. В этот-то холод и тьму по улицам пробиралась девочка с непокрытою головой и босая. Она вышла из дома в туфлях, но куда они годились! Огромные-преогромные! Последнюю их носила мать девочки, и они слетели у малютки с ног, когда она перебежала через улицу, испугавшись двух мчавшихся карет. Одной туфли она так и не нашла, другую же подхватил какой-то мальчишка и убежал с ней, говоря, что из нее выйдет отличная колыбель для его детей, когда они у него будут. И вот девочка побрела дальше босая; ножонки ее совсем покраснели и посинели от холода. В стареньком передничке у нее лежало несколько пачек серных спичек; одну пачку она держала в руке. За целый день никто не купил у нее ни спички — она не выручила ни гроша. Голодная, иззябшая, шла она все дальше, дальше... Жалко было и взглянуть на бедняжку! Снежные хлопья падали на ее прекрасные, вьющиеся белокурые волосы, но она и не думала об этой красоте. Во всех окнах светились огоньки, по улицам пахло жареными гусями: был канун Нового года — вот об этом она думала.

Наконец она уселась за выступом одного дома, съежилась и поджала ножки, чтобы хоть немножко согреться. Но нет, стало еще холоднее, а домой она вернуться не смела, ведь она не продала ни одной спички, не выручила ни гроша — отец прибьет ее! Да и не теплее у них дома! Только крыша над головой, а ветер так и гуляет по жилью, несмотря на то что щели и дыры тщательно заткнуты соломой и тряпками.

Ручонки ее окоченели. Ах! Одна спичка могла бы согреть ее! Если бы только она смела взять из пачки хоть одну, чиркнуть ею о стену и погреть пальчики! Она вытащила одну. Чирк! Как она зашипела и загорелась! Пламя было теплое, ясное, и, когда девочка прикрыла его от ветра горсточкой, ей показалось, что перед нею горит свечка. Странная это была свечка: девочке чудилось, будто она сидит перед большою железною печкой с блестящими медными ножками и дверцами. Как славно пылал в ней огонь, как тепло стало малютке! Она вытянула было и ножки, но... огонь погас. Печка исчезла, в руках девочки остался лишь обгорелый конец спички. Бог она чиркнула другою; спичка загорелась, пламя ее упало на стену, и стена стала вдруг прозрачною. Девочка увидела всю комнату, накрытый белоснежною скатертью и уставленный дорогим фарфором стол, а на нем жареного гуся, начиненного черносливом и яблоками. Что за запах шел от него! Лучше же всего было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола и, как был с вилкою и ножом в спине, так и побежал вперевалку прямо к девочке. Тут спичка погасла, и перед девочкой опять стояла одна толстая холодная стена. Она зажгла еще спичку и очутилась под великолепною елкой, куда больше и наряднее, чем та, которую девочка видела в сочельник, заглянув в окошко дома одного богатого купца. Елка горела тысячами огоньков, а из зелени ветвей выглядывали пестрые картинки, какие девочка видела раньше в окнах магазинов. Малютка протянула к елке обе ручонки, но спичка потухла, огоньки стали подниматься все выше и выше и превратились в ясные звездочки; одна из них вдруг покатила по небу, оставляя за собою длинный огненный след.

— Вот кто-то умирает! — сказала малютка. Покойная бабушка, единственная любившая ее, говорила ей: «Падает звездочка — чья-нибудь душа идет к Богу». Девочка чиркнула об стену новою спичкой; яркий свет озарил пространство, и перед малюткой стояла вся окруженная

сиянием, такая ясная, блестящая и в то же время такая кроткая и ласковая, ее бабушка.

— Бабушка! — вскричала малютка. — Возьми меня с собой! Я знаю, что ты уйдешь, как только погаснет спичка, уйдешь, как теплая печка, чудесный жареный гусь и большая, славная елка!

И она поспешно чиркнула всем остатком спичек, которые были у нее в руках, — так ей хотелось удержать бабушку. И спички вспыхнули таким ярким пламенем, что стало светлее, чем днем. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла девочку па руки, и они полетели вместе в сиянии и в блеске высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха: к Богу! В холодный утренний час в углу за домом по-прежнему сидела девочка с розовыми щечками и улыбкой на устах, но мертвая. Она замерзла в последний вечер старого года; новогоднее солнце осветило маленький труп. Девочка сидела со спичками; одна пачка почти совсем обгорела.

— Она хотела погреться, бедняжка! — говорили люди.

Но никто и не знал, что она видела, в каком блеске вознеслась вместе с бабушкой к новогодним радостям на небо!

Е. Санин

БЕРЁЗОВАЯ ЁЛКА (святочный рассказ)

Каких только чудес не случается в Рождественскую ночь! Сережа слушал, как мама читает ему святочные рассказы, и только диву давался. Все они, начинаясь грустно-грустно, заканчивались так, что даже плакать хотелось от радости. Были, правда, и рассказы с другим концом. Но мама, хмурясь, пропускала их. И правильно делала. Печального им хватало и в жизни.

За окном наступала темно-синяя ночь. Двор быстро чернел, и только береза под ярким фонарем продолжала оставаться белой. Крупными хлопьями, словно ватные шарики на нитках, которыми они когда-то украшали комнату с елкой, падал снег.

Вспомнив то счастливое время, Сережа прищурил глаза. Береза сразу превратилась в ель, а многочисленные горящие в честь Рождества окна дома напротив стали светящимися гирляндами. Папа с мамой сновали по заставленной мягкой мебелью и увешанной коврами комнате. Они доставали из буфета праздничную посуду и накладывали в нее сыр, колбасу, дымящуюся картошку с мясом...

Сережа сглотнул голодную слюну и открыл глаза. Ель снова стала березой, а комната — пустой и унылой, где не было ни ковров с креслами, ни праздничного стола, ни папы... Мама лежала на истрепанном диване, читая про то, как бедный мальчик однажды попал из жалкой лачуги на рождественский бал во дворец. А папа... его последний раз он видел на вокзале, в окружении точно таких же спившихся бомжей.

— Ну, вот и все! — сказала мама, переворачивая последнюю страницу.

«Как жаль, что такое бывает только в книгах!» — вздохнул про себя Сережа и вслух спросил:

— А почему эти рассказы — святочные?

Мама подумала и улыбнулась:

— Наверное, потому, что они про Рождество. Ты же ведь теперь знаешь, что сегодня кончается пост.

— Он у нас и завтра будет! — буркнул Сережа.

— ... и наступает самая веселая неделя, которая называется святки! — делая вид, что не слышит его, закончила мама.

— Самая грустная неделя... — снова искаженным эхом повторил мальчик. Мама с трудом приподнялась на локте и затеплила перед стоявшей на столе иконой лампаду:

— Ну, вот и праздник. С Рождеством Христовым, сынок! Я так хотела, чтобы и у нас с тобой были настоящие святки, но...

Недоговорив, она легла лицом к стене. Плечи ее вздрагивали. Чем Сережа мог помочь ей? Обнять? Сказать что-нибудь ласковое? Но тогда она заплачет навзрыд, как это уже бывало не раз. И он опять стал глядеть в окно на березовую ель и радужные из-за слез на глазах окна. Он знал, что мама надеялась получить сегодня щедрую милостыню у храма, куда придет на Рождество много-много людей, и, помнится, даже помогал ей мечтать, как они потратят эти деньги. Но у мамы заболело сердце, и врач сказал, что ей нужно лечь в больницу. «Только лекарства, — предупредил он, выписывая рецепт, — надо купить за свой счет». А самое дешевое из них стоило больше, чем мама зарабатывала за месяц, когда еще работала дворником. Где им достать таких денег? Сережа перевел глаза на огонек лампадки. После того, как папа, пропив все самое

ценное, исчез из дома, они постепенно сдали в комиссионку мебель и вещи. Осталось лишь то, чего нельзя было продать даже на «блошином» рынке: этот вечно пугающий острыми зубами пружин диван, царапанный-перещарапанный стол, хромые стулья... Мама хотела продать и родительскую икону, но какая-то бабушка сказала, что она называется «Всех Скорбящих Радость», и если мама будет молиться перед ней, то Бог и Пресвятая Богородица непременно придут на помощь. Никто на свете уже больше не мог помочь им, и мама послушалась совета. Она сделала из баночки лампадку и, наливая в нее дешевого масла, отчего та почти сразу же гасла, стала молиться, а потом ходить в храм, где до и после службы просила милостыню.

И, удивительное дело, продавать им давно уже было нечего, денег достать неоткуда, потому что маме из-за болезней пришлось оставить работу, но еда, пусть самая черствая и простая, в доме не переводилась. Сегодня, после первой звездочки, они даже поужинали по-праздничному — черным хлебом с селедкой под луком! А вот завтра, холодея, вспомнил Сережа, им совсем нечего будет есть.

И тут он понял, чем может помочь маме! Если она сама не в силах пойти за милостыней, то должен идти он! Нужно было только дожждаться, когда мама уснет или погаснет лампадка, чтобы он мог незаметно уйти из дома. Но огонек в этот раз почему-то горел и горел. К счастью, мама вскоре задышала по-сонному ровно, и Сережа, наскоро одевшись, неслышно скользнул за дверь.

* * *

Улица встретила его разноцветным сиянием и многоголосой суетой. Со всех сторон завывающе подмигивали огни реклам. Мчались, шипя колесами, по заснеженному асфальту автомобили. Люди, смеясь и радуясь празднику, шли — одни обгоняя его, другие навстречу... Десятки, сотни, тысячи людей, и ни одному из них не было дела до одиноко идущего мальчика, у которого дома осталась больная мать. Сережа шел, и ему казалось, что все это он уже где-то видел и слышал, причем совсем недавно. «Ах, да! — вспомнил он. — В святочных рассказах». Только там бездушными прохожими были жившие лет сто назад, а не эти люди, а бедным мальчиком — он сам. И хотя в ближайшем храме, и в другом, и в третьем всенощная служба уже отошла, его не покидало ощущение, что с ним тоже может произойти что-то необыкновенное.

Он уже не шел — бежал по улицам. И только раз, проходя мимо большого магазина, остановился и долго, расплющив нос о витринное стекло, смотрел на ломившиеся от всяких вкусоностей прилавки и на огромного плюшевого мишку в отделе подарков.

Наконец, обежав и исколесив полгорода на трамвае, он увидел церковь, в котором еще шла ночная служба. Встав на паперти, Сережа робко протянул руку и, завидев приближавшихся людей, выдал из себя непривычное:

— Подайте, ради Христа!

Первый рубль, который вложил ему в ладошку старичок, он запомнил на всю жизнь. Потом одна женщина дала ему две десятикопеечные монетки, а другая — пряник. И все. После этого переулочек перед храмом как вымер. Сережа понял, что, опоздав к началу службы, он должен дожждаться ее окончания, когда начнут выходить люди. Зайти же в храм, где громко пели «Христос рождается...», он боялся — вдруг за это время появится еще какой-нибудь щедрый прохожий?

От долгого стояния на одном месте стали мерзнуть ноги. Варезки он в спешке забыл дома и теперь вынужден был поочередно греть в кармане то одну, то другую руку. Наконец он присел на корточки и, не опуская ладошки — вдруг все же кто-то пройдет мимо, — почувствовал, как быстро проваливается в сон.

...Очнулся он от близкого громкого разговора. Сережа открыл глаза и увидел высокого красивого мужчину в распахнутой дубленке, с толстой сумочкой на ремешке, какие носят

богатые люди.

— Можешь поздравить! — говорил он кому-то по трубке-телефону. — Только что исповедался и, как говорится, очистил сердце! Такой груз с души снял... Все, еду теперь отдыхать!

— Подайте... ради Христа! — испугавшись, что он сейчас уйдет, с трудом разлепил заледенелые губы Сережа. Мужчина, не переставая разговаривать, достал из кармана и небрежно протянул — Сережа даже глазам не поверил, но каких только чудес не бывает в Рождественскую ночь — сто рублей!

— Спасибо! — прошептал он и сбивчиво в порыве благодарности принялся объяснять: «У меня ведь мама больна ... рецепт... есть нечего завтра... было...»

— Хватит с тебя. Остальное Бог подаст! — поняв его по-своему, отмахнулся мужчина.

И тут произошло что-то непонятное... странное... удивительное! Мужчина вдруг изменился в лице. Брезгливое выражение исчезло, и на смену ему пришло благоговейное. Он с восторгом и почти с ужасом, глядя куда-то выше и правее головы мальчика, стал торопливо расстегивать сумочку, бормоча:

— Господи, да я... Господи, да если это Тебе... Я ведь только слышал, что Ты стоишь за нищими, но чтобы это было вот так... здесь... со мною?.. Держи, малыш!

Сережа посмотрел на то, что давал ему мужчина, и обомлел. Это были доллары... Одна, вторая, пятая, десятая — и сколько их там еще — зеленоватые бумажки! Он попытался ухватить их, но пальцы так задеревенели на морозе, что не смогли удержать этого богатства.

— Господи, да он же замерз! Ты ведь замерз совсем! — обращаясь уже к Сереже, воскликнул странный мужчина и приказал: «А ну, живо ко мне в машину, я отвезу вас... тебя домой!»

Мужчина не был пьян. Сережа, хорошо знавший по папе, какими бывают пьяные, сразу понял это. Он очень хотел оглянуться и посмотреть, кто это так помогает ему, но, боясь, что мужчина вдруг исчезнет, покорно пошел за ним следом.

* * *

В машине, отмякая в тепле, он сначала нехотя, а потом, увлекаясь, стал подробно отвечать на вопросы, как они с мамой жили раньше и как живут теперь. Когда же дошел до того, каким был у них праздничный ужин, мужчина резко затормозил машину и повел Сережу в тот самый большой магазин, у витрины которого он любовался недоступными ему товарами. Из магазина они вышли нагруженными до предела. Мужчина шел к машине с пакетами, в которых были сыр, колбаса, апельсины, конфеты и даже торт, а Сережа прижимал к груди огромного плюшевого мишку.

Как они доехали до дома, как поднялись на этаж, он не помнил. Все происходило как во сне. Пришел он в себя только тогда, когда предупрежденный, что мама спит, мужчина на цыпочках пробрался в комнату, осмотрелся и прошептал:

— Господи, да как же Ты сюда... да как же они здесь... Значит, так! Рецепт я забираю с собой и завтра же отвожу твою маму в больницу. Папой тоже займусь. Ты пока поживешь у моей бабушки. А здесь мы за это время такой ремонт сделаем, что самого Господа не стыдно принимать будет! Кстати, — наклонился он к уху мальчика, — а Он часто у вас бывает?

— Кто? — заморгал Сережа.

— Ну, Сам... Он! — мужчина замялся и показал взглядом на икону, перед которой продолжала гореть лампадка. — Иисус Христос!

— Так значит, это был Он? — только теперь понял все мальчик. — И все это — благодаря Ему?!

Через полчаса Сережа, проводив мужчину, лежал на своей расшатанной раскладушке и

слушал, как дышит во сне даже не подозревавшая ни о чем мама. За окном быстро наступало светло-синее утро. Окна в доме напротив давно погасли и не казались уже гирляндами. Береза тоже не хотела больше быть елью. Но ему теперь не было грустно от этого. Он знал, что в следующем году наконец-то и у них обязательно будут настоящая елка и святки.

Единственное, чего он страшился, так это проснуться не в этой постели, а на промерзшей паперти. Но тут же, сжимая покрепче плюшевого мишку, успокаивал себя: ведь каких только чудес не случается в Рождественскую ночь!

Перевёл с англ. и пересказал В.ГРИГОРЯН

ПАУЧКИ И РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЁЛКА

Эта история случилась давным-давно. В небольшом домике жила мать с двумя ребятами. Отец их умер, и семья была очень бедна.

В сочельник они стали наряжать ёлку, украшая ее цветными лоскутками и игрушками, вылепленными из глины, а потом пошли в храм, воспеть Рождество Христово.

А что происходило в это время у них дома? Ёлка была так хороша, что привлекла паучков, которые со всего дома сползлись посмотреть на красивое, прекрасно пахнувшее дерево. Они бегали по веткам, радовались украшениям и, судя по всему, были совершенно счастливы. Так счастливы, что начали плести свои паутинки, и вскоре ёлка оказалась задрапирована серыми, цвета пыли, сетями — вот какой ужас.

А с иконы на жизнерадостную возню паучков смотрел Младенец Христос. Сначала Он улыбался, но вот чело Его слегка омрачилось.

Часы на городской башне отбивали час за часом, и вскоре мать с дочкой и сыном должны были вернуться со службы, и...

Младенец Христос знал, что мать и детки будут просто убиты горем, когда увидят, во что превратилась их ёлка.

— Пора домой, — сказал Он паучкам, и они, совсем уже к этому времени сонные, отправились по своим углам.

Христос же поднял руки и благословил дерево. В одно мгновение тонкие нити, сплетенные паучками, заискрились в свете лампы, потому что стали золотыми и серебряными.

А мать с детками шли в это время по заснеженному городу и не знали, что дома их ждет самая прекрасная рождественская ёлка, какую когда-либо видел белый свет.

Иоанн Рутенин

Рождественская елочка

Давно это было. В самые распродавние времена. Так, что и не верится даже. Но, однако же, все-таки было.

В ту пору Дед Мороз по Святой Руси ну совсем уж без всякого толку шатался. Злющий такой старикашка был: то нос кому ни с того, ни с сего отморожит. То ухо... И свою внучку Снегурочку таким же безобразиям обучал.

И вот надоело им как-то по лесам густым, да по полям пустым ходить-злиться, да с друг дружкой дразниться. И решили они посмотреть, как люди в тепле-уюте живут.

А БЫЛ В ТУ ПОРУ СОЧЕЛЬНИК РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

Вот подошли они к одному окошку — заглядывать стали.

Дохнул Дед Мороз, дохнула Снегурочка, — а окно-то и замерзло!

В избушке той были братик с сестричкой: Иванушка да Машенька. Подбежали они изнутри к окошку — и тоже давай на него дышать!

Подышит один, подышит другая, потрут пальчиками — стекло и оттаивает маленькими кружочками!

Рассердился Дед Мороз и давай дуть-свистеть на окошко пуще прежнего.

А Иванушка с Машенькой опять подышали на стекло изнутри — оно и оттаяло!

— Ах, вы со мною тягаться, да со Снегурочкой состязаться! — кричит Дед Мороз. И так окно всякими узорами расписывает, что аж стекла трещат!

А детям нипочем: смеются да радуются. Опять на окошко подышали — оно и оттаяло.

Припали к окошку и засматривают на улицу.

Удивился Дед Мороз и спрашивает:

— Чего это вы со мной в игры играете да на улицу выглядываете? Али батюшку увидели на краю села, али матушка по воду на речку пошла?

Дети ему и отвечают:

— Неужто не слышал, дедушка, что в Сочельник с первой звездой Сама Матушка Пресвятая Богородица со Младенцем Христом по Святой Руси ходит да в каждый дом, где Ее ждут, заходит? Вот мы и хотим Ее первыми увидеть и встретить.

Не слышал такого чуда Дед Мороз никогда прежде.

Почесал в затылке, да и говорит:

— А как же вы встречать-то будете Младенца Иисуса Христа и Его Пречистую Матерь?

Ванюшка с Машуткой ему и отвечают:

— Солеными грибами да сладкими пирогами, ключевой водой да молитвой святой! А в старину, — говорят, — пальмовыми ветками встречали и смоквами угощали. Только где их у нас, среди белых снегов да колючих ветров, сыщешь?

Переглянулись Дед Мороз со Снегурочкой, призадумались.

Пошли за деревню, сели под елкой и затужили.

Жалко им стало детей, и себя жалко. Они тут ходят, безобразничают под Рождество, а дети святое дело задумали.

Так и вечер наступил...

Глядь — а в небе уже первая звездочка зажглась!

А по дороге к деревне Сама Матушка Пресвятая Богородица со младенцем Христом идет! Оглянулся дед Мороз по сторонам: вот бы где пальму найти! Да где ж ее найдешь?! И давай ветку разлапистую с елки обламывать: красавица-то ведь какая! Чем хуже пальмы? Снегурочка ему помогает усердно.

Да так увлеклись, что не только веточку, а всю елочку отломали! И бегом к избушке, где братик с сестричкой живут.

Вежливо в дверь постучали. А когда им открыли — в пояс хозяевам поклонились:

— Давайте, детки, скорее машите елочкой! А то как бы Царица Небесная мимо вас не прошла. Да и мы с вами порадуемся. Кто ж младенцу Христу на белом свете не рад?

А тут и Сама Богородица со Христом на пороге:

— Я этих деток, — говорит, — знаю давно. Они родителей своих слушают и Сыну моему каждый день молятся. Вот Я и решила к ним первым зайти.

Коснулась Богородица елочки своим золотым жезлом, а на вершину ее с неба первая звездочка и прилетела!

Коснулась Матерь Божия еще раз — зажглись на елочке разноцветные свечи.

В третий раз коснулась она елочки жезлом Своим — появились на ажурных веточках конфеты да пряники.

То-то было радости в избе!

Все сразу стали петь и хоровод вокруг елочки водить.

А Богородица и говорит:

— Вот так теперь будут на Руси во все века Рождество моего Сына встречать.

И ПОШЛА ОНА ДАЛЬШЕ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ.

А у нас, на Святой Руси, с тех пор так и повелось: в Красном углу, что на сторону восточную — икона Пресвятой Богородицы со Младенцем Христом. Под иконой — нарядная да праздничная елка. А под елочкой — добрый-предобрый Дедушка Мороз со своей маленькой внучкой Снегурочкой.

Иоанн Рутенин

Рождество

Под свечами трепещут иголки,
Будто пылью светясь золотой,
И увенчана славная елка
Голубой Вифлеемской Звездой.
О, звезда Иисуса! Не гасни!
К нам иди за верстою верста:
Православное сердце как ясли
Ждет Рожденья Младенца Христа.
Веселится за окнами вьюга,
И, подняв кружевные крыла,
Возвещают снежинки друг другу,
Что Мария Христа родила,
Богоматерь сидит над яслями
Средь российских ветров, меж дорог,
И мы знаем, что в ночь эту с нами
Свет Звезды, Рождество — с нами Бог!

Иоанн Рутенин

СКАЗКА ПРО КОЛОКОЛЬЧИК

Жил в степи все лето колокольчик. Хорошо ему было среди других цветов!

Обычно рано просыпался он после короткой ночи. Оглядывался кругом: синий день над степью, солнышко светит. А высоко в небе жаворонок смеется.

И всё это было ему родным и близким.

Но однажды проснулся колокольчик ночью от сильного холода. Смотрит — а кругом всё белым-бело! Снег выпал. Его и не ждали!

И стал колокольчик замерзать. Дрожит и думает: «Когда же придет день? Наверное, он ушел куда-нибудь по делам и скоро вернется. Ведь когда наступит день, сразу станет тепло и уютно».

Но до утра было далеко. А колокольчик не привык к холодам.

И тогда спросил он у снега:

— Не видели ли вы день?

Ничего не ответил снег. Только еще больше потянуло от него холодом.

Тогда колокольчик нагнулся и тихо прозвенел ветру:

— Не видели ли вы день?

— У-у-у-у? — не понял ветер.

— Видели ли день? — снова повторил колокольчик.

Подошел к нему поближе студёный ветер, чтобы лучше расслышать, да тут и замёрз колокольчик.

О ту пору ехал по дороге человек на лошади. Увидел он цветок, подобрал, повесил на дугу своих саней и отправился дальше.

Едет, едет, вдруг слышит: заговорил маленький колокольчик. Может быть оттаял от тепла человеческих рук, а может быть ещё почему. Но только спросил он опять, нежно зазвенев в морозном воздухе:

— Видели ли день? Видели ли день? Понравилось людям, как разговаривает колокольчик. И они начали делать такие же колокольчики из серебра.

И даже когда люди отлили большой-большой колокол, чтобы он созывал всех христиан на молитву в храм Божий, он тоже громко спрашивал у всех:

— День?

— День?

— День?

— День?

Вот такая была интересная история с обыкновенным полевым цветком.

Рождественское утро

Льется звучными волнами
Звон колоколов,
В Божий храм валит толпами
Люд со всех концов.
И богатый и убогий,
Пробудясь от сна,
Все спешат одной дорогой,
Мысль у всех одна:
Звон торжественный почуя,
Все во храм идут,
И с молитвой трудовой
Лепту в дар несут;
В дар Тому, Кто в ночь родился,
И средь пастухов
В яслях кроткий положился,
Принял дар волхвов,
Кто пришел на землю худших
Грешных оправдать,
И своих овец заблудших
К Пастырю собрать.

Иоанн Рутенин

ПЫЛИНКА И КАПЕЛЬКА

Жила-была на земле Пылинка. И очень уж она гордилась собой.

— Смотрите, как нас много! — говорила она. — Мы народ самый многочисленный на всей планете. И сила мы грозная. Поднимется ветер, начнётся пыльная буря — никому тогда не сдобровать!

А над ней, на самом краешке листочка полевого цветка висела Капелька утренней росы. Слушала она гордые слова Пылинки и молчала.

Увидела её Пылинка и стала ещё больше распалаться:

— Про наших сестер — песчинок, — когда хотят сказать, что чего-то очень много, говорят: как песок морской. А ты что про себя можешь сказать?

— А нас когда много в небе — льётся дождь. А когда много на Земле, получается река, озеро или даже море, — отвечает ей Капелька. — И мы народ сильный и славный пред Богом.

Не ожидала такого поворота дела Пылинка. Рассердилась она тогда и говорит:

— А знаешь ли, что из нас, пылинок, весь Шар Земной состоит? Да и самого человека Господь из земли создал. Так-то вот!

А ей скромная Капелька и отвечает:

— А я— вещунья небесная. Когда Бог звёздочкам Свою святую волю говорит, я спешу тотчас к людям — Его слова передать. Это для того, чтобы они эту Его святую волю и на Земле исполнили.

— Что же тебе сейчас Господь велел передать человеку? — ехидно спросила её Пылинка.

— А вот что... — тихо сказал Капелька. Скатилась она росинкой с листочка, да и упала прямо на Пылинку.

И из этой горделивой Пылинки обыкновенная грязь получилась...

— Велел мне Господь передать людям, — сказала Капелька, — чтобы не гордились они. Потому что всякая гордость — как грязь пред Богом.

Наступило утро. Выглянуло солнышко. Грязь обсохла и снова Пылинкой стала. А Капелька испарилась!

— Так тебе и надо! — сказала Пылинка со злорадством.

Но всё сильнее пекло жаркое солнце. Да такое жаркое, что вся земля растрескалась.

Люди Бога стали молить:

— Видно, согрешили мы, Господи! Но пошли нам хоть капельку влаги. А то ведь земля урожай не даёт. В такую засуху голод может наступить. И нам, и нашим детям есть будет нечего. Воззри, Господи! Все былинки посохли! Одна только пыль на дорогах стоит!

Обиделась Пылинка, что так о ней люди говорят. Но, честно говоря, и самой ей невтерпёж — уж очень жарко!

И вдруг дождик пошёл! Да такой тёплый и ласковый, что все растения воспрянули. На хлебных полях пшеница вызреть стала.

То-то обрадовались люди!

И опять встретились Пылинка с Капелькой.

— Что же тебе на этот раз Господь велел людям передать? — спрашивает Пылинка.

— Велел передать мне Господь, — отвечает Капелька, — что Он — милосердный. Что дошла

до Него молитва людская. И смилостивился Он над ними, и простил им грехи их тяжкие.

А Пылинка опять злиться продолжает и думает: «Ничего! Ещё посмотрим, что с тобой зимой будет!»

И вот наступила зима. Все реки и озёра замёрзли. Льдом покрылись. И даже не то, что моря — океаны некоторые замёрзли!

— Ага! — радуется Пылинка, хоть и сама продрогла вся до костей. — Всё равно наш народ и сильней, и славней вашего!

И вдруг смотрит — на неё снежинка с неба опускается! Летит, как белая голубка, в морозном воздухе порхает. А на ней платье, как у невесты белое, а на голове — кокошник, как у русских девушек.

Это была Капелька, которая в красавицу-снежинку превратилась.

— Ч...ч...то же тебе с...с...сейчас велено п...передать? — застучала от холода зубами продрогшая Пылинка.

— А велено мне передать от Господа Бога, — отвечает ей Капелька-Снежинка, — что самый сильный и славный народ на всей земле — это Святая Матушка Русь. И будет хранить её вовек Пресвятая Богородица Своими молитвами. Вот так и закончилась эта история. Так что запомни это, маленький читатель. Будь всегда скромным и никогда не гордись. Помни, к какому, благословенному Самим Господом Богом народу ты принадлежишь!..

Яков Петрович Полонский

Зимняя ночь в деревне

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.
Месяца лучами
Божий храм облит,
Крест под облаками
Как свеча горит.
Пусто, одиноко
Сонное село.
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина немая
В улицах пустых.
И не слышно лая
Псов сторожевых.
Помоляся Богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

И. Рутенин

ЧУДО-ОГОНЁК

У Святой Руси всегда было много врагов. Не нравилось им, что русские люди Христа Бога почитают и в каждой избе, и в каждом тереме перед иконами Богу и Богородице молятся.

И вот как-то собралось великое полчище со Святой Русью воевать. А прежде на неё коварно напасть. И надеялись они не на силу своих воинов, не на быстрые стрелы, не на острые сабли. А был у них в войске злой волшебник. Он и подарил вражескому хану Злопыхану чудо-Огонёк. И этот Огонёк имел силу больше всего войска вражьего.

Однажды напали они ночью на Святую Русь, да и спалили этим Огоньком целую деревню! Такое большое пламя от него разгорелось!

Обрадовались враги, что у них огромная силища есть, и пошли дальше народ грабить да людей мирных убивать.

А Огонёк жалостливый был. И стал он человеческим голосом говорить, хана отговаривать русский народ губить.

Но не послушался его хан Злопыхан. А волшебник так и вообще стал пугать, что возьмёт и задует его.

— Добренький ты! — сказал Огоньку. — А задую тебя — ты не только зла, но и добра людям не принесёшь!

Опечалился Огонёк: «Что же теперь делать?» — думает.

А полчище вражеское пошло дальше и ещё целый город сожгло!

А женщин и детей в плен взяли...

Опять стал сетовать Огонёк и хана упрашивать:

— Не ходи на Святую Русь! Отпусти всех пленных на свободу. А то как бы тебе горя не нажать.

Но не послушались его снова хан Злопыхан и злой волшебник.

Так подошли они к одной пустыньке, где святой старец-отшельник один в маленькой келье жил.

И стали они чудо-Огоньком его келью поджигать.

Насмеваются да куражатся: вот пожар-то будет!

И действительно, такое пламя разбушевалось, аж смотреть страшно.

А келья не загорается и старец в ней как ни в чем не бывало невредимый Господу Богу молится!

Разъярился хан и велел ещё пуще прежнего пламя разжигать. Но явился тут с неба Ангел Господень и затушил пожар. А всё войско и злой волшебник, и хан Злопыхан — сгорели.

И утихло тогда пламя.

Пожар-то утих, а чудо-Огонёк один-одинёшенек остался.

Подошёл тогда к нему монах и говорит:

— Что ж это ты, Огонёк, столько зла людям наделал?

Заплакал тогда слезами-искорками чудо-Огонёк и отвечает:

— Не по моей вине и не по моей воле, старче, все это горе горькое было. А заставили меня хан и злой волшебник. Как я ни упрашивал их не делать зла — не соглашались они.

— Раз так, — говорит старец-монах, — давай с тобой вместе добро людям делать.

Тогда отпустили они всех пленников домой.

— А ты, — говорит Огоньку старец, — за всех этих людей и за себя, что зло им, хоть и не по своей вине, сделал, и за всю Святую Матушку Русь теперь будешь вовек со мной Богу молиться.

Обрадовался чудо-Огонёк несказанно. Ведь он на самом деле очень добрым был.

Взял его тогда бережно старец, свечки от него зажёл и в лампадку его определил, чтобы жить там навсегда. А лампадку поставил перед святой иконой.

Так они до сих пор вместе Богу и Богородице молятся. И никто их победить не может. Ведь когда с чудо-Огоньком перед иконой кто-нибудь что-то у Господа просит — всякую силу вражью одолеет!

А у тебя дома в лампадке есть свой молитвенный чудо-Огонёк?

Детская молитва

(прочитай и выучи)

Господи, помилуй!
Господи, прости!
Не послушал маму я...
Грех мне отпусти!
К маме подбегаю,
Слезы не тая,
Вот и помирились:
Мама, Бог и я!

МОЛИТВА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Мира Заступница, Матерь Всепетая!
Я пред тобою с мольбой:
Бедного грешника, мраком одетого,
Ты благодатью покрой.
Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги,
В трудный час жизни,
В минуту страдания
Ты мне, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи;
В Царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи!

И. Шмелев

Рождество

Милые дети, перед вами рассказ Ивана Сергеевича Шмелева из романа «Лето Господне». Однажды, он был вынужден покинуть Родину. Но всю оставшуюся жизнь, проведенную за границей, он очень грустил по любимой России. Вот как он рассказывает о встрече Рождества своему племяннику Иву, живущему во Франции.

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймешь чего — подскажет сердце.

Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он — редко, выпадет — и стаял. А у нас, повалит, — свету, бывало, не видать, дня на три! Все завалит. На улицах — сугробы, все бело. На крышах, на заборах, на фонарях — вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит — и рухнет мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай — увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз, визжат полозья. Зато весной, услышишь первые колеса... — вот радость!..

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженых свиней подвозят, — скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче — белугу, осетрину, судачка, наважку; победней — селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество — свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, — мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, — разводы розовые видно, снежком запорошило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы — к Рождеству. Обоз? Ну будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружкой, тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из — под Самары. Везут свинину, поросят, гусей, индюшек, — «пылкового морозу». Рябчик идет, сибирский, тетерев — глухарь... Знаешь — рябчик? Пестренький такой, рябой... — ну, рябчик! С голубя, пожалуй, будет. Называется — дичь, лесная птица. Питается рябиной, клюквой, можжевелькой. А на вкус, брат!.. Здесь редко видишь, а у нас — обозами тянули. Все распродадут, и сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу, — и домой, чугунок. Чугунка? А железная дорога. Выгодней в Москву обозом: свой овес — то, и лошади к продаже, своих заводов, с косяков степных.

Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, — там лошадьми торговали, — стон стоит. А площадь эта... — как бы тебе сказать?.. — да попросторней будет, чем... знаешь, Эйфелева — то башня где? И вся — в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свиньи — как дрова лежат на версту. Завалит снегом, а из — под снега рыла да зады. А то чаны, огромные, да... с комнату, пожалуй! А это солонина. И такой мороз, что и рассол — то замерзает... — розовый ледок на солонине. Мясник, бывало, рубит топором свинину, кусок отскочит, хоть с полфунта, — наплевать! Нищий подберет. Эту свиную «крошку» охапками бросали нищим: на, разговейся! Перед свининой — поросячий ряд, на версту. А там — гусиный, куриный, утка,

глухари — тетерьки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, — без весов, на глаз. Бывало, фабричные впрягутся в розвальни, — большие сани, — везут — сменяются. Горой навалят: поросят, свинины, солонины, баранины... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, — потерял дорогу! Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках — будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в елках: «Эй, сла — дкий сбитень! калачики горя — чи!..» В самоварах, на долгих дужках, — сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем, — душисто, сладко. стакан — копейка. Калачик мерзлый, стаканчик сбитню, толстенный такой, граненый, — пальцы жжет. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар — клубами, как из паровоза. Калачик — льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в елках. А мороз крепчает. Небо — в дыму — лиловое, в огне. На елках иней. Мерзлая ворона попадет, наступишь — хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар — из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Ну... будто Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота — то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь — звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон — другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени. А звезд все больше. А какие звезды!.. Форточку откроешь — резанет, ожжет морозом. А звезды!.. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе — то мерзлость, через нее — то звезды больше, разными огнями блещут, — голубой хрусталь, и синий, и зеленый, — в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды — звон — то! Морозный, гулкий, — прямо, серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, — древний звон, степенный, с глухотой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пеня, без конца — начала... — гул и гул.

Ко всеобщей. Валенки наденешь, тулупчик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не щиплет. Выйдешь — певучий звон. И звезды. Калитку тронешь, — так и осыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко — тонко. По улице — сугробы, горы. В окошках розовые огоньки лампадок. А воздух... — синий, серебрится пылью, дымный, звездный. Сады дымятся. Березы — белые виденья. Спят в них галки. Огненные дымы столбами, высоко, до звезд. Звездный звон, певучий, — плывет, не молкнет; сонный, звон — чудо, звон — виденье, славит Бога в вышних, — Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев — молитву, простой, особенный какой — то, детский, теплый... — и почему — то видится кровать, звезды.

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия миру Свет Разума...

И почему — то кажется, что давний — давний тот напев священный... был всегда. И будет. На уголке лавчонка, без дверей. Торгует старичок в тулупе, жмет. За мерзлым стеклышком — знакомый Ангел с золотым цветочком, мерзнет. Осыпан блеском. Я его держал недавно, трогал пальцем. Бумажный Ангел. Ну, карточка... осыпан блеском, снежком как будто. Бедный, мерзнет. Никто его не покупает: дорогой. Прижался к стеклышку и мерзнет.

Идешь из церкви. Все — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские

звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным двором, над садом! Каждый год — над этим садом, низко. Она голубоватая, Святая. Бывало, думал: «Если к ней идти — придешь туда. Вот, прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! Он — в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Только не дойдешь, мороз, замерзнешь!» Смотришь, смотришь — и думаешь: «Волсви же со звездой путеше — эствуют!..»

Волсви?.. Значит — мудрецы, волхвы. А, маленький, я думал — волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, — думал. Звезда ведет их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже и волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведет их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь — кормушка, с сеном, светлый — светлый мальчик, ручкой манит?.. Да, и волков... всех манит. Как я хотел увидеть!.. Овцы там, коровы, голуби взлетают по стропилам... и пастухи, склонились... и цари, волхвы... И вот, подходят волки. Их у нас в России мно — го!.. Смотрят, а войти боятся. Почему боятся? А стыдно им... злые такие были. Ты спрашиваешь — впустят? Ну, конечно, впустят. Скажут: ну, и вы входите, нынче Рождество! И звезды... все звезды там, у входа, толпятся, светят... Кто, волки? Ну, конечно, рады.

Бывало, гляжу и думаю: прощай, до будущего Рождества! Ресницы смерзлись, а от звезды все стрелки, стрелки...

Зайдешь к Бушую. Это у нас была собака, лохматая, большая, в конуре жила. Сено там у ней, тепло ей. Хочется сказать Бушую, что Рождество, что даже волки добрые теперь и ходят со звездой... Крикнешь в конуру — «Бушуйка!». Цепью загремит, проснется, фыркнет, посунет мордой, добрый, мягкий. Полижет руку, будто скажет: да, Рождество. И — на душе тепло, от счастья.

Мечтаешь: Святки, елка, в театр поедем... Народу сколько завтра будет! Плотник Семен кирпичиков мне принесет и чурбачков, чудесно они пахнут елкой!.. Придет и моя кормилка Настя, сунет апельсинчик и будет целовать и плакать, скажет — «выкормочек мой... растешь»... Подбитый Барин придет еще, такой смешной. Ему дадут стаканчик водки. Будет махать бумажкой, так смешно. С длинными усами, в красном картузе, а под глазами «фонари». И будет говорить стихи. Я помню:

И пусть ничто — с за этот Праздник
Не омрачает торжества!
Поднес почтительно — с проказник
В сей день Христова Рождества!

В кухне на полу рогожи, пылает печь. Теплится лампадка. На лавке, в окоренке оттаивает поросенок, весь в морщинках, индюшка серебрится от морозца. И непременно загляну за печку, где плита: стоит?.. Только под Рождество бывает. Огромная, во всю плиту, — свинья! Ноги у ней подрублены, стоит на четырех култышках, рылом в кухню. Только сейчас втащили, — блестит морозцем, уши не обвисли. Мне радостно и жутко: в глазах намерзло, сквозь беловатые ресницы смотрит... Кучер говорил: «Велено их есть на Рождество, за наказание! Не давала спать Младенцу, все хрюкала. Потому и называется — свинья! Он ее хотел погладить, а она, свинья, щетинкой Ему ручку уколола!» Смотрю я долго. В черном рыле — оскаленные зубки, «пятак», как площадка. А вдруг соскочит и загрызет?.. Как — то она загромыхала ночью, напугала.

И в доме — Рождество. Пахнет натертыми полами, мастикой, елкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат — пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, — другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, — звездочки, в лесу как будто... А завтра!..

А вот и — завтра. Такой мороз, что все дымится. На стеклахросло буграми. Солнце над Барминихиным двором — в дыму, висит пунцовым шаром. Будто и оно дымится. От него столбы в зеленом небе. Водовоз подъехал в скрипе. Бочка вся в хрустале и треске. И она дымится, и лошадь, вся седая. Вот мо — роз!..

Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола, тощий, кривой сапожник, очень злой, выщипывает за вихры мальчишек. Но сегодня добрый. Всегда он водит «славить». Мишка Драп несет Звезду на палке — картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, — свечка там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом.

— «Волхи же со Звездой питушествуют!» — весело говорит Зола.

Волхов приючайте,
Святое встречайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...

Он взмахивает черным пальцем и начинают хором:

— Рождество Твое. Христе Боже наш...

Совсем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу Правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и все на нее смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным.

— Это у нас будет царь Кастинкин, который царю Ироду голову отсекает! — говорит Зола. — Сейчас будет святое приставление! — Он схватывает Драпа за голову и устанавливает, как стул. — А кузнечонок у нас царь Ирод будет!

Зола схватывает вымазанного сажей кузнечонка и ставит на другую сторону. Под губой кузнечонка привешен красный язык из кожи, на голове зеленый колпак со звездами.

— Подымай меч выше! — кричит Зола. — А ты, Степка, зубы оскаль страшней! Это я от бабушки еще знаю, от старины! Плешкин взмахивает мечом. Кузнечонок страшно ворочает глазами и скалит зубы. И все начинают хором:

Приходили вол — хи,
Приносили бол — хи,
Приходили вол — хари,
Приносили бол — хари,
Ирод ты Ирод,
Чего ты родился,
Чего не крестился,
Я царь — Ка — стинкин,
Маладенца люблю,
Тебе голову срублю!

Плешкин хватает черного Ирода за горло, ударяет мечом по шее, и Ирод падает, как мешок. Драп машет над ним домиком. Васька подает царю Кастинкину розу. Зола говорит скороговоркой:

— Издох царь Ирод поганой смертью, а мы Христа славим — носим, у хозяев ничего не просим, а чего накладут — не бросим!

Им дают желтый бумажный рублик и по пирогу с ливером, а Золе подносят и зеленый стаканчик водки. Он утирается седой бородкой и обещает зайти вечером спеть про Ирода «подлинней», но никогда почему — то не приходит.

Позванивает в парадном колокольчик, и будет звонить до ночи. Приходит много людей поздравить. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди. И вздрагивает все на елке, до серебряной звездочки наверху.

Приходят — уходят люди с красными лицами, в белых воротничках, пьют у стола и крикают.

Гремят трубы в сенях. Сени деревянные, промерзшие. Такой там грохот, словно разбивают стекла. Это — «последние люди», музыканты, пришли поздравить.

— Береги шубы! — кричат в передней.

Впереди выступает длинный, с красным шарфом на шее. Он с громадной медной трубой, и так в нее дует, что делается страшно, как бы не выскочили и не разбились его глаза. За ним толстенький, маленький, с огромным прорванным барабаном. Он так колотит в него култышкой, словно хочет его разбить. Все затыкают уши, но музыканты все играют и играют.

Вот уже и проходит день. Вот уже и елка горит — и догорает. В черные окна блестит мороз. Я дремлю. Где — то гармоника играет, топотанье... — должно быть, в кухне.

В детской горит лампадка. Красные языки из печки прыгают на замерзших окнах. За ними — звезды. Светит большая звезда над Барминихиным садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года.

Монахиня Варвара

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

ДЕТСТВО ЗОЛОТОЕ

У нас в доме зелёная гостья. Она приехала к Великому празднику на широких розвальнях. Её привез улыбающийся дед-мужичок с пушистою, белою бородою до пояса. Она встала на праздничном ковре в гостиной, раскинула кудрявые ветви. На иголочках задрожали капли растаявшего снега. Ёлка отогрелась, повеяло лесным благоуханием.

Моя старшая сестра Лида и я надели на неё жемчужные ожерелья, серебряные бусы, блестящие нити. Повесили на пушистые лапки восковых ангелов, трубящих в большие золотые трубы, белокурых снегурочек, ватных мальчиков и девочек, сидящих в крохотных картонных санях, весёлых трубочистов, качающихся на лёгких лестницах, гномов в малиновых шапочках и сапожках. Навесили стеклянных, нежно звучащих яблочек, грущ, вишеноч, мухоморов, кошек, собак, коней, львов, оленей, мишек, — да всего и не перечесть! Под ёлку постелили вату, посыпали её битым стеклом, и она заблестела, как снежный сугроб. Рядом с деревом встал дедушка Мороз в белой шубе, в белой шапке, в белых рукавицах, в белых валенках. Он был похож на деда-мужика, который привез нам ёлку. Такие же румяные щёки, лицо без морщин, весёлые, улыбающиеся глаза.

Наконец, вошел в гостиную отец с серебряною звездою в руке и украсил ею верхушку дерева; нацепил на ветки подсвечники с завитыми спиралью свечками и, посмотрев, издали на ёлку, сказал; «Ну вот, и отлично!» При мягком свете ламп деревцо играло, мерцало, словно камень драгоценный. Всегда чинная сестрица обняла меня, закружила, зашептала:

«У нас ёлочка, словно царевна заморская».

В столовой часы пробили пять раз. «Как бы нам в церковь не опоздать», — послышался голос матери. «Иван уже заложил СтаЛЬНОГО», — сказала горничная Маша, прибирая с рояля коробки от ёлочных украшений. Лида и я нарядились в бархатные платьица, распустили по плечам волосы и пошли в переднюю, где нас уже ждали отец и мать.

Полетели сани по московским снежным улицам. Развернулось над нами чистое, морозное небо. Засияли звёзды, словно лампы небесные, неугасимые. Встали сани у ворот монастыря Новодевичьего. Забелела каменная ограда. Прошли через кладбище, поднялись по пологой лестнице в зимнюю церковь с низкими сводами.

«Христос раждается, славите... Пойте Господеви, вся земля», — ликуют рождественские песнопения. Монахини поют словно Ангелы. Хор большой-большой. Юные дисканты ввысь взвиваются. Увлекают в Божие небо молящихся.

«Слава в вышних Богу и на земли мир в человецех благоволение», ширится, растёт, радостью исполняет души людей крылатое славословие...

Проплывали, клубясь, облака ладана. Перед концом службы у сестрицы голова закружилась, и мы, не достояв всеобщего бдения, вышли на морозный воздух.

— Почему у нас в гостиной так светло? — спросила Лида, когда мы подъезжали к дому.

— Вероятно, люстру зажгли, — ответила мама. Но каково было наше удивление, когда, распахнув двери гостиной, мы встретили нашу милую ёлочку, сияющую зажженными свечами.

Это «мадмазель» Маргарита нам сделала сюрприз.

После ужина сестра нашла под ёлкой свой подарок — сборник стихов, о котором уже давно мечтала. Она сняла футляр, — на голубом бархате лежал гранатовый крестик и тонкая золотая цепочка.

— И крест, и цепочка тоже мне? — спросила Лида у отца.

— Ну конечно, — отвечал он.

Я с торжеством вытащила из ватного сугроба коньки «снегурки» и собралась было их привинчивать к туфлям, как подошла мать и посадила ко мне на плечо лохматую плюшевую обезьянку, которая забавно пищала, когда ей придавливали брюшко. Я была в полном восторге.

Свечки догорали. Кое-где с лёгким треском вспыхнула хвоя и запахло тёплой смолой.

— Подождём, пока все свечи сгорят, — предложила мне сестрица.

Мать и «мадмазель» ушли в столовую. Мы сели на мягкий ковёр и смотрели, как меркла, темнела ёлка. Наконец, последняя свеча растаяла — угасла, капнув голубую каплю на ватный сугроб.

«Вот теперь и спать пора», — прошептала сестрица. Сразу заснуть я не могла! Какое-то неизъяснимое ликование трепетало в груди. Детское сердце ширилось, словно улететь хотело. Слово у него выросли такие прозрачные, лёгкие крылышки, как у восковых ёлочных ангелов, трубящих в серебряные трубы.

Рождественская радость сияла в детской душе.

От синей лампы тянулись длинные, острые лучи... Зажмуришь слегка глаза — лучики побегут к изголовью, тёплые, приветливые.

«Баю-бай, — шепчут они. — Мы всю ночь храним святой огонек, мрак отгоняем, сны нашёптываем мирные».

А я думала: к ёлочке такие же лучики от лампы тянутся, что перед Спасом Нерукотворенным теплится. Ёлочке одной в гостиной нестрашно, не темно...

Захотелось солнышку утром взглянуть сквозь окошко в детскую — ан и нельзя.

Ах проказник, дедушка Мороз, ах забавник! Своею тонкою кисточкой сверху донизу расписал стекло. Чего-чего он только не изобразил! Вон стоит павлин, распустив серебряный хвост. Над его головой завилась снежная колокольчики. Вон пастушок играет на дудочке и гонит белых барашков по заиндевелому полю. На холмах растут цветы какие-то диковинные, лапчатые.

Я спрыгнула с кровати и принялась согревать стекло своим дыханием. Оттаял иней, открылся светлый кружок. Взглянула одним глазом на двор — и зажмурилась: крепко ударило солнышко жёлтыми лучами.

— С праздником, Петровнушка, — заговорила вошедшая в детскую старушка Матрена. — Царство Небесное проспишь, ой проспишь! Будили тебя к обедне, а ты под нос себе прогымкаешь — и на другой бок. Господа и мамзель в церковь уехали.

Я была смущена и оправдывалась.

— Я вчера слышала, как часы полночь пробили. Я поздно легла, Матрёна, вот уж, верно, поэтому и не могла проснуться.

Второпях оделась и побежала в гостиную на ёлку взглянуть. За ночь она словно ещё красивее стала, словно ещё шире раскинула пушистые ветви!

— Здравствуй, зелёная гостя, с Праздником Великим! Так бы, кажется, и перецеловала каждую твою колючую, душистую ветку, милая, милая! Как ты спала? Что снилось? Тебя баюкали белые снегурочки, восковые ангелы трубили над тобою песни Рождества. А страшно тебе не было? Нет. Тихо, кротко сияла лампада Спасу Нерукотворенному и тебе посылала алые лучики.

Далёкий звон колоколов Новодевичьего монастыря коснулся окон гостиной, мягкой волною

пролетел по всему дому. Старушка Матрёна зевнула, перекрестила рот и прошептала: «Поздняя обедня кончилась. Я-то, по обычаю, к ранней поторопилась».

Через полчаса задребезжал звонок.

— Пойти надо господам отворить, — сказала старушка и, поскрипывая новыми козловыми башмаками, заторопилась в переднюю.

Мама и сестра трунили надо мной: «Каково тебе спалось? Как дремалось?» Вмешался отец:

— Пойдем-ка лучше пирожком закусим. После церкви-то все проголодались.

Рождественский пирог удался на славу. Однако же, я с нетерпением ожидала, когда можно было выйти из-за стола, надеть высокие, теплые башмаки, кофточку на вате и побежать на солнечный, ослепительно-белый двор...

В саду от деревьев бежали тонкие, голубые тени. Синий лёд пронзали острые лучи и он сверкал, словно зеркало. Как смешно скользить на тонких, железных пластинках. Точно ты между небом и землёю, точно ты вот-вот сейчас упадешь в рыхлый сугроб. Так и есть — упала!

— Барышня, батюшка пришел! Скорей домой, — кричит с крыльца Настасья. Я бросила в кухне коньки, кофточку и поспешила в гостиную. Там уже дьячки запевали: «Рождество Твое, Христе Боже наш...»

Рядом со мной истово крестилась ласковая старушка Матрёна. Она глядела умиленно на Спаса Нерукотворённого, и блестящие слезинки катились по её тёмному, морщинистому лицу.

Валентина Евстафиева

ВАНЯ

Уткнувшись своим хорошеньким розовым личиком в подушку дивана, Милочка горько плакала. Судьба так жестоко и неожиданно послала ей первое тяжелое разочарование. Она с таким нетерпением ожидала того дня, когда ей исполнится шестнадцать лет, когда она из девочки превратится во взрослую барышню, оденет длинное кисейное, «в мушки», платье и поедет на свой первый бал. Она так мечтала об этом платье. И вдруг... мать объявила ей сегодня, что платья не будет и что о бале и думать нечего, что средств на это нет.

Эти ужасные слова как громом поразили ее. Милочка к этому совсем не была подготовлена. Она так избалована, так привыкла к роскоши, которая ее окружала еще так недавно. В ее хорошенькой головке никак не могла вместиться мысль, что со смертью отца иссяк источник этой роскоши, что полтора года, прошедшие со дня его кончины, совершенно разрушили ее материальное благополучие и создали ей новую, полную горя и лишений, жизнь, о которой она не имела ни малейшего представления. Она приехала из института домой на рождественские праздники с заветною мечтой о первом бале, и вот эту мечту пришлось теперь хоронить. Это было ужасно. В доме шли приготовления к сочельнику, но Милочка, вся поглощенная своим горем, ничего не замечала. Порою она поднимала от подушки свое заплаканное личико и, обращаясь к стоявшему перед нею гимназисту лет девятнадцати, с отчаянием повторяла:

— Ты понимаешь, Ваня, это была моя мечта, заветная мечта! — и, забывая на минуту о своем горе, она продолжала: Мы с Таней Лукинской... помнишь Таню? Еще такая маленькая, рыженькая?.. — Гимназист кивнул головой. — Так вот, мы с Таней все мечтали о первом бале и решили, что у ней должно быть розовое кисейное платье, а у меня белое в мушки... А мама сегодня сказала... что и ей-то не в чем идти со мною, что все... все хорошее продала... Не будет моего бала... моего первого бала... — через слезы договорила Милочка и снова, уткнувшись в подушку, разрыдалась. Ваня стоял над плачущей сестрой и что-то соображал. Потом неровной, угловатой походкой направился в переднюю. Проходя мимо комнаты Анны Николаевны, своей мачехи, он с беспокойством оглянулся на дверь, как бы желая удостовериться в том, что он может уйти незамеченным, и стал торопливо одевать пальто.

— Ах, оставь меня в покое! — раздался в соседней комнате раздраженный голос Анны Николаевны — Я уже тебе сказала, что елки не будет. А если ты не перестанешь хныкать, то я тебя выгоню вон из моей комнаты.

Это энергичное предупреждение, однако, не помогло. Через минуту до слуха Вани долетел еще более резкий возглас мачехи: «Так ты так слушаешь маму?.. Марш в детскую!..» На пороге с шумом отворившейся двери появилась Анна Николаевна, ведя за руку упиравшуюся и горько плакавшую девочку лет пяти. «Марш!» — Повелительно повторила Анна Николаевна, толкая девочку по направлению к детской.

— А ты, куда это опять отправляешься? — недовольным тоном спросила Анна Николаевна, увидев Ваню в пальто и с фуражкой в руке.

— Я сейчас... то есть скоро приду, — ответил Ваня, угрюмо смотря в сторону и неловко напяливая на себя фуражку. Анна Николаевна остановила на юноше свой холодный, почти враждебный взгляд и тем же недовольным тоном произнесла:

— Мне очень не нравится твое постоянное отсутствие. Не понимаю, куда ты все ходишь? Вот

уже два месяца, как ты дома бываешь только во время еды. Ты даже не считаешь нужным говорить мне, куда ты идешь. А ведь вся ответственность за твоё поведение лежит на мне. Посторонние люди могут сказать, что я для тебя злая мачеха, что я не занимаюсь твоим воспитанием, что я не уберегла тебя от дурного влияния.

— Но, уверяю вас, мамаша, что я ничего дурного не делаю. Я иду на репетицию.

— Ну, сегодня-то уж мог бы посидеть и дома. Ведь знаешь, что перед праздником много работы. Мог бы в чём-нибудь помочь мне. Да, кстати, почему это ты всегда запираешь на ключ в свою комнату?

Юноша смешался; густой румянец покрыл его щеки.

— Так... у меня там... боюсь, что Соня и Митя мои книги попортят... бумаги порвут...

— Какая заботливость! Давно ли ты стал беречь свои книги? — поджимая губы, процедила Анна Николаевна и, круто повернувшись, пошла в свою комнату.

Ваня посмотрел вслед уходящей мачехе и, нахлобучив фуражку, поспешно вышел из дому.

В столовой все еще плакала Милочка. В детской Соня и семилетний Митя, перебивая друг друга, рассказывали старушке няне, какая у них была давно-давно чудная огромная елка. Они с огорчением жаловались няне, что Боженька взял их папу и что мама говорит, что елки уже больше никогда не будет. Личики их печальны. Старушка-няня ласкает детей, гладит их головки и в утешение рассказывает о чудном Божественном Младенце, который много лет тому назад родился в пещере. Что большая звезда появилась тогда на небе и привела пастухов и волхвов в ту пещеру, где в яслях на сене почивал Спаситель мира. Долго говорит няня о чудном Младенце. Дети жмутся к старушке и, забыв о своем горе, с восторгом и любопытством слушают простой и таинственный рассказ своей няни.

А в это время в спальне на неубранной постели сидит Анна Николаевна и думает свою невеселую думу. Мысли вереницей проходят в печально склоненной голове. Вспомнилась ее девичья жизнь в доме родителей, жизнь безбедная, беззаботная, годы учения, подруги по гимназии; вот и желанные шестнадцать лет — она уже взрослая барышня. Каким ясным, заманчивым казалось ей будущее. Сердце радостно билось и рвалось навстречу этому неизвестному, но милому будущему. Семнадцати лет она страстно влюбилась и вышла замуж за молодого вдовца. Муж ее любил и баловал. Ничто, казалось бы, не должно было омрачать счастливых дней новобрачных; но, однако, у семейного очага их нередко происходили горячие вспышки, а порою и продолжительные ссоры. Анна Николаевна, безумно любившая своего мужа, не могла примириться с мыслью, что другая женщина была еще так недавно близка и дорога ее мужу. Что эта женщина оставила, как залог своей любви, годовалого ребенка, которого отец обожал. Этот ребенок, этот капризный, некрасивый и вечно пасмурный ребенок, Ваня, кидавший на нее исподлобья фуражкой в руке.

— Я сейчас... то есть скоро приду, — ответил Ваня, угрюмо смотря в сторону и неловко напяливая на себя фуражку. Анна Николаевна остановила на юноше свой холодный, почти враждебный взгляд и тем же недовольным тоном произнесла:

— Мне очень не нравится твоё постоянное отсутствие. Не понимаю, куда ты все ходишь? Вот уже два месяца, как ты дома бываешь только во время еды. Ты даже не считаешь нужным говорить мне, куда ты идешь. А ведь вся ответственность за твоё поведение лежит на мне. Посторонние люди могут сказать, что я для тебя злая мачеха, что я не занимаюсь твоим воспитанием, что я не уберегла тебя от дурного влияния.

— Но, уверяю вас, мамаша, что я ничего дурного не делаю. Я иду на репетицию.

— Ну, сегодня-то уж мог бы посидеть и дома. Ведь знаешь, что перед праздником много работы. Мог бы в чём-нибудь помочь мне. Да, кстати, почему это ты всегда запираешь на ключ в свою комнату?

Юноша смешался; густой румянец покрыл его щеки.

— Так... у меня там... боюсь, что Соня и Митя мои книги попортят... бумаги порвут...

— Какая заботливость! Давно ли ты стал беречь свои книги? — поджимая губы, процедила

Анна Николаевна и, круто повернувшись, пошла в свою комнату.

Ваня посмотрел вслед уходившей мачехе и, нахлобучив фуражку, поспешно вышел из дому.

В столовой все еще плакала Милочка. В детской Соня и семилетний Митя, перебивая друг друга, рассказывали старушке няне, какая у них была давно-давно чудная огромная елка. Они с огорчением жаловались няне, что Боженька взял их папу и что мама говорит, что елки уже больше никогда не будет. Личики их печальны. Старушка-няня ласкает детей, гладит их головки и в утешение рассказывает о чудном Божественном Младенце, который много лет тому назад родился в пещере. Что большая звезда появилась тогда на небе и привела пастухов и волхвов в ту пещеру, где в яслях на сене почивал Спаситель мира. Долго говорит няня о чудном Младенце. Дети жмутся к старушке и, забыв о своем горе, с восторгом и любопытством слушают простой и таинственный рассказ своей няни.

А в это время в спальне на неубранной постели сидит Анна Николаевна и думает свою невеселую думу. Мысли вереницей проходят в печально склоненной голове. Вспомнилась ее девичья жизнь в доме родителей, жизнь безбедная, беззаботная, годы учения, подруги по гимназии; вот и желанные шестнадцать лет — она уже взрослая барышня. Каким ясным, заманчивым казалось ей будущее. Сердце радостно билось и рвалось навстречу этому неизвестному, но милому будущему. Семнадцати лет она страстно влюбилась и вышла замуж за молодого вдовца. Муж ее любил и баловал. Ничто, казалось бы, не должно было омрачать счастливых дней новобрачных; но, однако, у семейного очага их нередко происходили горячие вспышки, а порою и продолжительные ссоры. Анна Николаевна, безумно любившая своего мужа, не могла примириться с мыслью, что другая женщина была еще так недавно близка и дорога ее мужу. Что эта женщина оставила, как залог своей любви, годовалого ребенка, которого отец обожал. Этот ребенок, этот капризный, некрасивый и вечно пасмурный ребенок, Ваня, кидавший на нее исподлобья движение и резко заметила:

— Ты, няня, рассказывай детям сказки когда-нибудь в другое время, а не за столом.

— Да нешто это, барыня, сказки? Я им только сказала, чтобы чинно себя вели, а то елки не получат.

— Получат или не получат — это мое дело! — перебила ее Анна Николаевна. — А ангелы-то тут причем?

— Как при чем? — обиженно спросила старуха. — Известное дело, что в Сочельник ангелы Господни промеж хороших людей летают и милость Божью разносят. Кто чего хочет, то от Господа и получает. А детям одна радость — елка да гостинцы, больше им ничего не надо. Вот Боженька им эту радость через своих ангелов и посылает, ежели они хорошо себя ведут, — наставительно dokonчила няня, глядя Митю по головке.

— Мама, мама, Ваня плисол! — радостно вскрикнула Соня, увидев через полуоткрытую дверь проходившего по коридору брата.

— Ну, пришел так пришел. Чего же ты кричишь-то? — раздраженно сказала Анна Николаевна и, обращаясь к вошедшему через минуту в столовую пасынку, сурово спросила: — Где ты был? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — Ты бы хоть немножко почище оделся по случаю праздника. Гостей хотя и нет, а все же следует быть поприличней. Посмотри, на что ты похож? — и она брезгливо указала на его короткую, всю в пятнах куртку. Юноша густо покраснел.

— У меня ничего другого нет, все уже износилось, — ответил он, глядя в тарелку.

— А твои репетиции? Ведь ты зарабатываешь больше двадцати рублей в месяц.

— Я почти все отдаю вам, — тихо сказал Ваня и исподлобья с упреком посмотрел на мачеху. Анну Николаевну уколол этот ответ, и она, больше ничего не сказав, отвернулась к детям.

— А я у Вани видела большую кальтину, — сказала вдруг Соня, нарушая наступившее тягостное молчание. — Она лежала на полу, и Ваня все по ней лязными калянда-сиками водил; большая-плебольсая! — протянула девочка и, оттопырив свои розовые губки, добавила: — Ваня все от меня двели запилял, а я все виделя, виделя.

— Что это, ты живописью забавляешься? Поздравляю. Хорошее занятие для ученика восьмого класса, у которого выпускные экзамены на носу! — с иронической улыбкой протянула Анна Николаевна.

Ваня ничего не ответил и низко наклонил голову над тарелкой. Он привык к враждебному отношению к себе мачехи, но сегодня ему было особенно тяжело выслушивать эту колкость. Его приподнятое, радостное настроение сразу исчезло, сердце болезненно сжалось, и перед мысленным взором его снова предстали грустные картины недавнего детства и юношества. Не испытывавший нежной материнской ласки, Ваня рос в семье как чужой. Отец его любил, но, занятый службой, редко был в кругу семьи. Энергичный, деятельный и вечно занятый крайне ответственными инженерными работами, он не баловал детей особенной нежностью и к Ване относился, как и к прочим детям, спокойно и сдержанно. Но как радостно билось сердце Вани, когда отец, заметив несправедливое отношение к нему мачехи, ласковыми словами старался его утешить. Но это случилось не часто. Время шло. Из необщительного, забитого ребенка Ваня стал юношей, сознательно относившимся к своему положению в семье. Обращение мачехи не сделалось лучше, хотя он и старался не давать ей повода высказывать свое недоброжелательство. Всегда почтительный и вежливый, он спокойно переносил ее резкости, что, видимо, еще более раздражало ее.

Но вот умер отец. Условия жизни Вани и всей семьи круто изменились. Роскошная обстановка, обширный круг знакомых, веселая, беззаботная жизнь — все это исчезло как по мановению волшебного жезла. Отец ничего не оставил семье, кроме маленькой пенсии, которой еле-еле хватало на то, чтобы не умереть с голоду. Из большой богатой квартиры Анна Николаевна с семьей перебралась в крошечные четыре комнатки, и тут началась новая, полная горя и лишений жизнь. Ване тогда пошел восемнадцатый год.

Видя тяжелое положение семьи, он разыскал себе репетиции и из заработанных денег стал платить за свое учение в гимназии и мачехе за комнату, которую занимал. Анна Николаевна вначале решительно отказалась брать от Вани эту плату, но потом, скрепя сердце, согласилась принять эту помощь от нелюбимого пасынка. Ваня усердно работал и с нетерпением ждал окончания курса гимназии, мечтая о поступлении в технологический институт. Заветной мечтой его было: стать на ту же дорогу, по которой шел его отец. Он поставил себе целью восстановить материальное благосостояние своей семьи, разрушенное преждевременной смертью отца, и, торжествуя нравственную победу над ненавидящей его мачехой, прекратить этот многолетний гнет вражды. Ему больно было выслушивать незаслуженный упрек Анны Николаевны, но он скрыл обиду и, почтительно поцеловав руку мачехи, по окончании обеда ушел в свою комнату.

Анна Николаевна посмотрела вслед уходящему пасынку и, пожав плечами, молча встала из-за стола. Милочка тяжело вздохнула и перебралась от стола на свой любимый диван; няня, шепнув что-то на ухо детям, поспешно увела их в детскую. Грустное, подавленное настроение овладело Анной Николаевной. Она долго ходила взад и вперед по комнате, видимо, не замечая ни убиравшей со стола служанки, ни неподвижно сидевшей на диване Милочки. Ее мысли опять устремлялись в прошлое, и снова, помимо воли, восстанавливалась в памяти прежняя счастливая и беззаботная жизнь с мужем. Веселый и приветливый, несмотря на то, что всегда был обременен работой, муж ее умел вселять во всех жизнерадостное настроение.

«Какая поразительная разница в характерах между отцом и сыном! — подумала Анна Николаевна, представляя себе молчаливого, необщительного Ваню. — Должно быть, пошел в мать!» — и снова чувство ревности, когда-то так сильно ее мучившее, шевельнулось в ее сердце. Она круто повернулась и хотела идти в свою комнату, как вдруг над самым ее ухом раздался голос Вани.

— Мамаша, Милочка, пойдите в мою комнату. Я там детям сюрприз приготовил. Соню и Митю нужно позвать скорей, — заторопился он и уже совершенно растерянно проговорил: — Я им елочку, маленькую елочку приготовил и уже зажег.

— Ты?.. Детям елку?... — как бы не доверяя своим ушам, спросила Анна Николаевна и с удивлением на него посмотрела.

Он поднял на нее свои серые глаза и, виновато улыбнувшись, тихо ответил:

— Да, я. Но скрывал от вас, хотел сюрприз сделать детям.

Анне Николаевне не верилось, что неуклюжий, суровый и, как ей казалось, равнодушный к семье юноша приготовил подобный сюрприз. А Ваня уже бежал в детскую и громко кричал:

— Соня, Митя, Боженька вам елку послал. Идите скорей в мою комнату! — и снова помчался назад за сестрой и мачехой, которых уже застал у своих дверей.

Небольшая комнатка Вани была чисто им самим убрана. Стол и стулья отодвинуты к стене. Посреди комнаты, вся сверкая огнями, стояла небольшая нарядная елка.

Вбежавшие дети с восторгом смотрели на нее и, радостно хлопая в ладоши, весело повторяли:

— Боженька нам елку послал. Боженька добрый! Милочка, забыв свое горе, радостно бросилась к подошедшему брату и с любопытством спросила:

— Ванюша, скрытный, скверный, да когда же это ты успел все купить и приготовить?

— Я и еще кое-что успел приготовить, для тебя и мамы, — сказал он, видимо, смущаясь. — Соня, это тебе, — говорил он, подавая девочке большую нарядную куклу с белокурыми длинными локонами, вызвавшую самый бурный восторг Сони. — А это тебе, — и он подал Мите высокую, на колесах лошадку, на которую мальчуган сейчас же и уселся, погоняя ее и бросая на сестру победоносные взгляды храброго ездока. — Смотри, Соня, не подходи близко к лошади, а то раздавит! — крикнул Ваня и, делая вид, что очень ее боится, прижался к стене.

Анна Николаевна с улыбкой взглянула на неловкого юношу и против воли остановила на нем умиленный и ласковый взор. Она смотрела на покрасневшее от радостного волнения лицо Вани, на его глаза, весело сверкавшие из-под густых бровей, и с изумлением заметила в нем поразительное сходство с покойным мужем. «Отчего я раньше этого не замечала?» — мысленно упрекнула себя Анна Николаевна и все ласковее всматривалась в преобразившееся лицо Вани.

Как не похож был этот теперешний веселый взор его на тот суровый исподлобья взгляд, к которому так привыкли все его окружающие! Слово луч весеннего солнца, растопил этот взор ледяную гору, столько лет покрывавшую сердце Анны Николаевны, и со дна души вызвал небывалое доселе нежное чувство к нелюбимому пасынку.

Мамаша, а это вот я вам приготовил, — проговорил Ваня и несмело подал Анне Николаевне небольшой футляр.

Она с любопытством раскрыла его, и сердце ее радостно забило. В футляре, на малиновом плюше, лежала давно желанная ею золотая брошь с раскрашенной фотографией ее мужа.

Анна Николаевна, в первый раз за все восемнадцать лет, крепко, с любовью поцеловала склоненную голову юноши. Он порывисто ответил на эту ласку, горячо прижав к губам ее руку. Потом быстро подошел к столу и развернул какой-то сверток.

— Ах! — вскрикнула Милочка и бросилась к столу. Перед нею Ваня держал прозрачную белую кисею в мушки. Милочка даже зажмурилась от радости. Она, видимо, не доверяла

собственным глазам. Подарок был слишком неожидан.

— А здесь и маме на платье, — говорил Ваня, разворачивая второй сверток и вынимая из бумаги серую блестящую полуселковую материю. — Теперь ты можешь под Новый год ехать с мамой на твой первый бал. — Он светло улыбнулся, посмотрев на озаренное счастьем лицо сестры, и ласково добавил: — Теперь ты ведь больше плакать не будешь?

— Ванюша, милый, голубчик! — взволнованно проговорила Милочка и стремительно бросилась на шею брата. Кисея и материя соскользнули со стола на пол, но девушка, не обращая на это внимания, душила брата в своих горячих бурных объятиях, поминутно повторяя: — Ванюша, я не знала, какой ты хороший! Ты добрый, славный, и я крепко, крепко люблю тебя...

Анна Николаевна подняла с пола материю и тоже подошла к Ване.

— Да пусти же меня, стрекоза, — шутливо заметила она дочери, — я тоже хочу поцеловать и поблагодарить Ваню. — Мягким жестом отстранив девушку, она нежно привлекла к себе сконфуженного юношу и, ласково заглядывая ему в глаза, тихо проговорила: — Ваня, ты сегодня принес нам всем большую радость. Милый мой мальчик, спасибо тебе.

Она в первый раз назвала его «милым», в первый раз с нежной лаской, а не со строгим выговором, обратилась к нему. Под ласкающим добрым взглядом больших черных глаз Анны Николаевны, юноша забыл свое одинокое безрадостное детство, забыл горечь незаслуженных обид. Душа его, так давно жаждавшая любви и участия, сразу раскрылась, и он, примиренный и счастливый, доверчиво встретил горевший неподдельным чувством любви взор мачехи.

Они долго молча стояли, крепко прижавшись друг к другу. Казалось, эта надломленная жизнью женщина искала опоры в этом сильном, полном энергии, молодом существе.

А вокруг них жизнь кипела ключом. Соня и Митя, весело и громко покрикивая, носились вокруг елки, глядя жадными глазками на аппетитные лакомства. Милочка, что-то напевая и чему-то улыбаясь, рассматривала белую кисею. На пороге стояла старушка-нянька и, с добродушной улыбкой посматривая на ликующих детей, тихонько шептала:

— Слава тебе Господи, слава Создателю! Дождались и мы радостного праздника!

— Но скажи же мне, скажи откровенно, — спрашивала немного погодя Анна Николаевна, усаживая около себя пасынка, — что это тебе вздумалось устраивать эту елку? На какие средства?

— О, об этом я давно думал, — глубоко вздохнув, проговорил Ваня. — Я носился с этой мыслью целый год. Видя перед собой постоянно, как вы перебиваетесь изо дня в день, я стал искать, кроме уроков, еще другой какой-нибудь работы. Мой знакомый, губернский архитектор, дал мне чертить планы.

— Это, должно быть, те, которые видела Соня и назвала картинами? — живо спросила Анна Николаевна.

— Те самые, — ответил Ваня. — Я в продолжение трех месяцев почти не спал над ними. Мне хотелось заработать на елку детям. Я хотел помочь вам... А сегодня, — уже торопливо продолжал он, точно боясь, что не успеет всего высказать, — сегодня, когда я увидел слезы Милочки, я не выдержал, пошел к Архитектору и взял вперед у него денег на платья и на шитье их. Я потом все, все отработаю, — краснея от волнения и радости, говорил юноша.

— Но, Ваня, ведь тебе эта работа не по силам, — вырвалось у Анны Николаевны. — Это ты уж слишком. Я не могу тебе этого позволить. Не могу... Я...

— Ничего, ничего, мамаша, — живо прервал ее Ваня. — Обо мне не беспокойтесь, я сильный, могу много работать, я ведь в папу... Вот только бы вам с детьми перебиться, пока я буду в технологическом институте, а потом... потом мы заживем так же, как при папе, — докончил он уже весело и весело-самоуверенно потрянул густыми волосами. — Правда, Милочка?.. — и, не дожидаясь ответа, вскочил со стула и подбежал к своей младшей сестренке.

Через минуту Соня, захлебываясь от хохота, сидела на плечах у Вани, который бегал вокруг елки, догоняя Митю, и ржал по-лошадиному, изображая коня. «Весь в отца!» — подумала Анна Николаевна, глядя на возбужденное и озаренное беспредельной радостью лицо пасынка. В веселом шуме, наполнявшем комнату, ей мысленно слышится самоуверенный голос Вани, повторяющий: «Я сильный, могу много работать, я — в папу!»

Тихое радостное чувство овладело ею. От недавнего раздражения и недовольства жизнью не оставалось и следа. Угнетавшая ее тоска, трепет перед неизвестным будущим своих детей исчезли, словно туман при восходе солнца. Она видит впереди мощную фигуру пасынка, смело вступившего на дорогу своего отца, она видит протянутую ей сильную руку, и снова звучат его слова: «Я сильный, я — в папу!»

Софья Макарова

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ФОНАРЬ

— Ну что? Все есть? — спрашивает паренек, выбегая на улицу и останавливаясь перед веселой толпой мальчиков.

— Все, как есть все, — отвечает торжественно один из них, — только свечей мало, кабы еще парочку добыть, так большущую вещь смастерили бы.

— Натя, вот целешеньких две притащил, — перебивает его радостно пришедший, подавая две сальные свечки. — У тятки выпросил. Уж и ругал-то он меня, за волосы оттаскать обещался, а все ж дал! Да вот еще красной бумаги лист выпросил, как жар горит, ажно больно глазам глядеть.

— Молодец Филька! — закричали пареньки.

— Куда ж мы? — спрашивает весь сияющий Филька.

— Да к Степке, у него в доме никого, одна бабушка с малыши возится.

— К Степке так к Степке! — и вся гурьба ребят повалила по направлению к небольшому, старому, низенькому домику.

— Никак, наши воротились! — говорит худая старушонка, заслышав топотню в сенцах. — Что так-то больно раненько! — и она направляется к двери в ту самую минуту, как толпа парней, со Степкой во главе, остановилась в сенцах, не смея войти. — Ну что ж вы там в горницу нейдете? — говорит ласково старушка. Ребята захихикали и выдвинули вперед Степку, тот шагнул через порог, а за ним и все. Старушка в удивлении попятилась, затем строго крикнула: — Чего набрались, пострелята?

— Бабушка, родненькая, — начал ласковым голосом Степа, — вещь мастерить хотим.

— Так вам и позволю! Всю горницу вверх дном поставите!

— Смирнешенько посидим, — завопили все, — пусти только!

— Хозяев дома нет, а я вас пущу! Как бы не так.

— Бабушка, пусти, — просит плаксивым голосом Степа. — У нас все с собой, только вот вещь мастерить позволь.

— Ну вас! Только, чур, не баловать, а то вот чем угощу. — И она показала им большую кочергу, которой мешала в ярко топившейся печке. Ребята быстро разместились, повытаскивали из-за пазухи — кто лоскут цветной ткани, кто кусок сала или масла, тщательно завернутый в бумагу, кто мучицы на клейстер, кто ленту, кто картинку. Самый опытный из них, Трошка, торжественно выложил тонкие, гибкие прутики молодого ивняка и принялся мастерить вещь и оклеивать лубочными, пропитанными маслом, картинками. Работы было немало всем. Говором и хохотом наполнилась вся изба, и как ни грозила кочергой бабушка, а ребята так и шмыгали к печке — то подварить клейстер, то просушить готовую часть рождественского фонаря.

«Бабушка, ниточек», — просит один. «Вот кабы воску», — говорит заискивающим голосом другой. «Ишь, игла сломалась, а другой нет», — закидывает третий, поглядывая на бабушку. Та ворчит, но дает все, да еще в печку картошек в золу положила, Ребята лукаво переглянулись при виде этого крупного картофеля.

— А ну, ребята, — крикнул Трошка, — давай повторим стих!

Все разом гаркнули было «Рождество твое», да так громко, что спавший за занавеской ребенок испугался и заплакал, и тут кочерга бабушкина так ловко прошлась по спинам и

затылкам певчих, что они разом смолкли. Басистые и дискантовые голоса обратились в хныканье, просьбы не гнать и в торжественные обещанья больше не горланить. По мере того как формы фонаря стали определяться, бабушка смиловалась и с удовольствием разглядывала работу. Ей вспомнилось ее детство и виденный ею в первый раз в жизни фонарь, вспомнились ей при этом восторг и удивление, с которыми она его рассматривала, чувство праздника, охватившее ее при этом светлом видении и славленьи. Пение ребят и светлый образ, выделявшийся в темноте ночи, ей показались тогда чем-то неземным, часто потом она видела во сне светлую звезду, украшенную пучками разноцветных лент и лоскутков. Вспоминались ей и девичьи субботки. Уж как весело бывало на этих субботках! Были две молодые вдовы Алтова да Преснина, так уж у них такой пир всегда шел, что весь год помнился. Примостят они, бывало, у печки скамейки, одна повыше другой, наставят разных закусок, девушки разоденутся и сидят на скамейках, словно картины писанные. Для парней скамьи у дверей припасены. И купеческие сыны не брезговали бывать на субботках и разных лакомств и закусок нанесут полные узлы. А фонарь-то какой девушки мастерили! Хорош тот, что пареньки клеят, но их был еще лучше. Уж как Потап Ильич малевал на том фонаре Иродово мученье в аду да убиение младенцев, так уж никто лучше его не распишет. А уж на ясли, волхвов и Страшный суд так и купцы заглядывались. Засветят девушки в фонаре десяток свечей и начнут славленьем, а песни поют, да какие песни — одна другой лучше! А прибаутки так и сыпались. Вот и она познакомилась на субботках со своим муженьком. Что ж, хорошо ведь как прожила она со своим Пахомычем, не дал ему только Господь долгого веку. Господня воля! И вдовой живется ей не ахти как худо: невестки ее берегут, почитают, внуки как красные яблоки в саду, молодость как вспомнится, так сердце встрепенется. Пойдут, бывало, девушки с фонарем из дома в дом, и в каждом-то им всего припасено. Натешатся девушки фонарем и ребятишкам отдадут, те на салазки поставят — и марш Христа славить. Иные подростки мастерски про Ирода певали, хоть кого распотешат.

— А что, ребята, — обратилась она к работавшим, — дай я вас старой песне научу.

— Научи, научи, бабушка! — закричали ребятишки.

Старуха одернула кофту и затянула дребезжащим голосом:

Шел, перешел месяц по небу,
Встретился месяц с ясною зарею.
— Ой, заря, где ты у Бога была?
Где ты у Бога была, где теперь станешь?
— Стану я в Ивановом дворе,
В Ивановом дворе, в его горенках,
А во дому у него да две радости
Первая радость — сына женити,
А другая радость — дочку отдати.
Будь здоров, Иван Терентьич,
С отцом, с матерью, со всем родом,
Со Иисусом Христом, Святым Рождеством!

— Мы песню эту Трофимычу споем, — решил Трошка. — У него сын жених и дочь подросток. А голосу-то научи!

— Вот погодите, малый встанет, так поучу.

Вскоре и малый поднялся, и песня громко парням пропета. Вот уж и солнышко заходит, того гляди, хозяева приедут — пора по домам. Собирают парни все свое добро, фонарь на палку у печки ставят, бумагой закрывают — пусть попросохнет в тепле, а сами бегут веселой гурьбой на улицу. Бабушка принимается мыть и скрести стол, слегка охает и головой покачивает:

— Ишь пострелята, что напачкали!

Вот и святые вечера Рождества Христова настали. Всем отдых, всем свои радости. Ребята как сыр в масле катаются...

Жил на Руси такой великий святой — Серафим Саровский. Очень любил его народ и любовно называл батюшкой Серафимом. Во время святок, 15 января день его памяти.

Митрополит ВЕНИАМИН (Федченков)

МАЛИНКА

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Это было давно. Приехал в Саровский монастырь новый архиерей. Много наслышан был он об угоднике Божиим Серафиме, но сам не верил рассказам о чудесах батюшки. А может, и люди зря чего наговорили ему?..

Встретили архиерея монахи со звоном, честь-честью, в храм провели, потом в архиерейские покои. Ну, угостили его, как полагается. На другой день служба. Осмотрел все архиерей и спрашивает: «А где же живет отец Серафим?»

А батюшка тогда не в монастыре жил, а в пустыни своей. А была зима, снегу-то в саровских лесах — сугробы во какие!

С трудом проехал архиерей. Да и то последнюю дорожку и ему пешочком пришлось идти...

Батюшку предупредили, что сам архиерей идет к нему в гости. Угодничек Божий вышел навстречу без шапочки (клобука) и смиренно в ноги поклон архиерею положил. «Благослови, — говорит, — меня, убогого и грешного, святой Владыка! Благослови, батюшка!» Он и архиерея-то все звал: батюшка да батюшка.

Архиерей благословил и идет впереди в его пустыньку. Батюшка под ручку его поддерживает. Свита осталась ждать. Вошли, помолились, сели. Батюшка-то и говорит:

— Гость у меня высокий, а вот угостить-то у убогого Серафима и нечем.

Архиерей-то, думая, что батюшка хочет его чайком угостить, и говорит:

— Да ты не беспокойся, я сыт. Да и не за этим я к тебе приехал и снег месил. Вот о тебе все разговоры идут разные.

— Какие же, батюшка, разговоры-то? — спрашивает угодник, будто не зная.

— Вот, говорят, ты чудеса творишь.

— Нет, батюшка, убогий Серафим чудеса творить не может. Чудеса творить лишь один Господь Вседержитель волен. Ну а Ему все возможно, Милостивцу. Он и мир-то весь распрекрасный из ничего сотворил, батюшка. Он и через ворона Илию кормил. Он и нам с тобою, батюшка, вот, гляди, благодать-то какую дал...

Архиерей взглянул в угол, куда указывал угодничек, а там большущий куст малины вырос, а на нем полно ягоды спелой.

Обомлел архиерей и сказать ничего не может. Зимой-то — малина, да на голом полу выросла! Как в сказке!

А батюшка Серафим взял блюдечко чайное да и рвет малинку. Нарвал и подносит гостю.

— Кушай, батюшка, кушай! Не смущайся. У Бога-то всего много! И через убогого Серафима по молитве его и по Своей милости неизреченной Он все может. Если веру-то будете иметь с горчичное зерно, то и горе скажете: «Двинься в море!» Она и передвинется. Только сомневаться не нужно, батюшка. Кушай, кушай!

Архиерей все скушал, а потом вдруг и поклонился батюшке в ножки. А батюшка опередить его успел и говорит:

— Нельзя тебе кланяться перед убогим Серафимом, ты — архиерей Божий. На тебе благодать

великая! Благослови меня, грешного, да помолись!

Архиерей послушался и встал. Благословил батюшку и только два-три словечка сказал:

— Прости меня, старец Божий: согрешил я перед тобой! И молись обо мне, недостойном, и в этой жизни, и в будущей.

— Слушаю, батюшка, слушаю. Только ты до смерти моей никому ничего не говори, иначе болеть будешь...

Глядит архиерей, а куста-то уже нет, а на блюдечке от малинки сок кое-где остался — значит, не привидение это было. Да и пальчики у него испачканы малинкой.

Вышел архиерей. Свита-то его дожидается. И чего это, думают, он так долго говорил с батюшкой Серафимом? А он, без шапочки, опять под ручку его ведет до самых саночек. Подсадил и еще раз в снег поклонился.

А архиерей, как только отъехал, говорит своим: «Великий угодник Божий. Правду про него говорили, что чудеса может творить». Но ничего про малинку им не сказал. Только всю дорогу молчал да крестился, а нет-нет и опять скажет: «Великий, великий угодник!»

А когда скончался батюшка, он и рассказал всем про малинку.

ИГУМЕН И МЕДВЕДЬ

Этот случай произошел на Руси в конце XVI века. Иноки очень бедного Хутынского монастыря в Новгороде, получив в дар от одного боярина хорошие пастбища, решили завести овец. Шерсть от них давала все нужное обители: и одежду братии, и доход от продажи излишков.

Но вот в соседнем лесу поселился медведь и стал жестоко обижать бедных иноков, похищая их овец. Не смея сами предпринять ничего, послушники-пастухи не раз докладывали о чинимых медведем обидах настоятелю. Но старец-настоятель почему-то медлил с каким-либо решением насчет обидчика, говоря, что и медведю надо же есть. А у того от безнаказанности разрасталась алчность, так что на опушке леса стали находить уже овец не только съеденных, но почти и нетронутых, а лишь растерзанных. Снова доложили настоятелю.

«Э, это уже озорство. Ради потехи губить не позволю», — проговорил старец и, взяв свой посох, пошел один в лес.

На следующий день изумленная братия увидела своего настоятеля идущим из леса в монастырь в сопровождении огромного упитанного медведя. Старец вошел в келью, а медведь лег у крыльца.

«Отче, что же делать с медведем? — спрашивали келейники настоятеля, — он лежит у крыльца и никуда не отходит».

«Не трогайте его, пусть лежит. Мы завтра пойдем с ним в Москву на суд к Патриарху», — отвечал настоятель.

И на следующий день настоятель действительно отправился пешком из Новгорода в Москву, а за ним покорно пошел и монашеский обидчик-медведь. Пришлось, конечно, этим странным путникам проходить и через многие села и деревни, и везде народ с удивлением смотрел на такое странное явление. Тогда еще водили по деревням медведей ради потехи, но те бывали на цепи, с продернутым железным кольцом в носу и заморены, а этот шел свободно, и такой огромный.

И то не диво, — что люди боялись медведя крепко и даже отказывали настоятелю в ночлеге, так как он, боясь, чтобы на улице не убил кто-нибудь медведя, просил и его впускать куда-нибудь. А животные относились к странному зверю совершенно спокойно. Собаки даже близко подбегали к нему и обнюхивали его, а пасшийся на пути в поле скот при приближении настоятеля с его обидчиком лишь подымал голову и как бы с любопытством смотрел на

диковинное шествие, а затем снова спокойно принимался щипать траву.

Так и добрал хутынский настоятель со своим обидчиком в Москву на Патриаршее подворье. Он вошел в покои Патриарха, прося доложить о себе, а медведь остался у ворот.

Патриарх принял хутынского настоятеля.

— Я к тебе, Святейший, пришел с жалобой на нашего обидчика, — принимая благословение Патриарха, проговорил игумен. — В соседнем с нашей обителью лесу поселился медведь и ведет себя непотребно — похищает наших овец больше, чем съесть может, стало быть, просто ради своей звериной страсти потешается над кроткой Божией тварью. Этого я стерпеть не мог, и привел его к твоему Святейшеству на суд.

— Кого привел? — недоумевал Патриарх.

— Да нашего обидчика, Владыко.

— Где же он?

— У ворот дожидается твоего суда. Внуши ему, Святейший, что такое поведение зазорно для создания Божия.

— Брат, зачем же ты трудился вести его ко мне, если он так повинуется тебе, что пришел за тобою в Москву? — сказал Патриарх. — Запрети ему сам.

— О, нет, Святейший. Что же я такое? Нет, запрети ему ты своими святительскими словами не чинить больше обиды неповинной твари. Скажи ему, что озорничать грешно и непотребно.

Патриарх вышел на крыльцо, а хутынский настоятель пошел к воротам и через минуту вернулся во двор сопровождаемый своим косматым обидчиком.

— Вот, Святейший, наш обидчик, рассуди нас твоим святительским судом, — сказал настоятель, указывая Патриарху на огромного медведя, стоявшего смиренно понутив голову.

Подивился Патриарх такой покорности зверя и обратился к нему, как к разумной твари:

— Хутынский настоятель приносит жалобу на твое озорное поведение. Ты обижаешь бедную обитель, похищаешь ее достояние и позволяешь себе озорство, непристойное никакому созданию Божию. Отныне чтобы ты не смел трогать монастырских овец, Господь силен, и без этого пропитает тебя.

Суд кончился. Настоятель поклонился в ноги Патриарху и повернул домой, а за ним покорно поплелся и медведь.

С этого времени он никогда уже не трогал монастырских овец и в случае недостатка в еде смиренно являлся в ту же обитель, прося пропитания, в котором братия не отказывала ему.

Из журнала «ТРОИЦКОЕ СЛОВО»

НЕОЖИДАННЫЙ ПОМОЩНИК

После революции митрополита Кирилла везли в ссылку. В одну темную ночь злые люди выбросили его из вагона на всем ходу поезда. Стояла снежная зима. Владыка Кирилл упал в огромный сугроб, как в перину, и не разбился.

С трудом выбравшись из сугроба, он огляделся: лес, снег, и никаких признаков жилья. Митрополит долго шел по глубокому снегу и, выбившись из сил, сел на пень. Мороз пробирал до костей сквозь изношенную рясу. Чувствуя, что начинает замерзать, Владыка стал читать себе «отходную». Вдруг видит, что к нему приближается кто-то очень большой и темный. Всмотрелся — медведь! «Загрызет!» — мелькнула мысль, но бежать не было сил, и куда?

А медведь подошел, обнюхал сидящего и спокойно улегся у его ног. Повеяло от огромной медвежьей туши полным доброжелательством. Медведь заворочался и, повернувшись к Владыке брюхом, растянулся и сладко захрапел.

Долго колебался Владыка, глядя на спящего медведя, потом не выдержал сковывающего

холода и лег рядом с ним, прижавшись к теплому животу. Лежал и то одним, то другим боком поворачивался к зверю, чтобы согреться, а медведь обдавал его горячим дыханием.

Когда забрезжил рассвет, митрополит услышал далекое пение петухов. «Жилье близко», — мелькнула радостная мысль. Он осторожно, чтобы не разбудить медведя, встал на ноги, но тот поднялся тоже, отряхнулся и вразвалку побрел к лесу. А отдохнувший Владыка пошел на петушиные голоса и вскоре дошел до небольшой деревеньки.

Постучавшись в крайнюю избу, он объяснил, кто он, и попросил приюта. Владыку впустили, и он полгода прожил в этой деревне.

Василий Никифоров-Волгин

КРЕЩЕНИЕ

Сегодня великое освящение воды. Мы собирались в церковь. Мать сняла с божницы сосудец с остатками святой воды и вылила её в печь, в пепел, — ибо грех выливать её на места попираемые. Отец спросил меня:

— Знаешь, как прозывается по-древнему богоявленская вода? Святая агиасма!

Я повторил это как бы огнем вспыхнувшее слово, и мне почему-то представился недавний ночной пожар за рекой и зарево над снежным городом. Почему слово «агиасма» слилось с этим пожаром, объяснить себе не мог. Не оттого ли, что страшное оно?

На голубую от крещенского мороза землю падал большими хлопьями снег. Мать сказала:

— Вот ежели и завтра Господь пошлет снег, то будет урожайный год.

В церковь пришли все заметеленными и румяными от мороза. От замороженных окон стоял особенный снежный свет, — точно такой же, как между льдинами, которые недавно привезли с реки на наш двор.

Посредине церкви стоял большой ушат воды и рядом парчовый столик, на котором поставлена водосвятная серебряная чаша с тремя белыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». Слова их журчали, как многоводные родники в лесу, а в тех местах, где пророки обращаются к людям, звучала набатная медь: «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой...»

Читали тринадцать паремий. И во всех них струилось и гремело слово «вода». Мне представлялись ветхозаветные пророки в широких одеждах, осененные молниями, одиноко стоящие среди камней и высоких гор, а над ними янтарное библейское небо и ветер, развевающий их седые волосы...

При пении «Глас Господень на водах» вышли из алтаря к народу священник и диакон. На водосвятной чаше зажгли три свечи.

«Вот и в церкви поют, что на водах голос Божий раздаётся, а Гришка не верит... Плохо ему будет на том свете!»

Я искал глазами Гришку, чтобы сказать ему про это, но его не было видно.

Священник читал молитву «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя... Тебе поет солнце, Тебе славит луна. Тебе присутствуют звезды... Тебе слушает свет...»

После молитвы священник трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время запели снегом и ветром дышащий богоявленский тропарь «Во Иордани крещающуся Тебе, Господи, Тройческое явися поклонение» и всех окропляли освящённой водою.

От ледяных капель, упавших на моё лицо, мне казалось, что теперь наступит большое ненарадванное счастье и все будет по-хорошему, как в день Ангела, когда отец «осеребрит» тебя гривенником, а мать пяточком и пряником в придачу. Литургия закончилась посреди храма перед возжжённым светильником, и священник сказал народу:

— Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю поднебесную!

Подходили к ушату за святой водой. Вода звенела, и вспоминалась весна.

Так же как и на Рождество, в доме держали «дозвёздный пост». Дождавшись наступления вечера, сели мы за трапезу — навечерницу. Печёную картошку ели с солью, кислую капусту, в которой попадались морозинки (стояла в холодном подполе), пахнущие укропом огурцы и сладкую, мёдом заправленную кашу. Во время ужина начался зазвон к Иорданскому всенощному

бдению. Началось оно по-рождественскому — великим повечерием. Пели песню «Всяческая днесь да возрадуется Христу, явльшуся во Иордани» и читали Евангелие о сошествии на землю Духа Божьего.

После всенощной делали углём начертание креста на дверях, притолоках, оконных рамах — в знак ограждения дома от козней дьявольских. Мать сказывала, что в этот вечер собирают в деревне снег с полей и бросают в колодец, чтобы сделать его сладимым и многоводным, а девушки «величают звёзды». Выходят они из избы на двор. Самая старшая из них несёт пирог, якобы в дар звёздам, и скороговоркой, нараспев выговаривает:

— Ай, звёзды, звёзды, звёздочки! Все вы звёзды одной матушки, белорумяны и дородливы. Засылайте сватей по миру крещёному, сряжайте свадебку для мира крещёного, для пира гостиного, для красной девицы родимой.

Слушал и думал: хорошо бы сейчас побежать по снегу к реке и послушать, как запоёт полнощная вода...

Мать «творит» тесто для пирога, влив в него ложечку святой воды, а отец читает Библию. За окном ветер гудит в берёзах и ходит крещенский мороз, похрустывая валенками. Завтра на отрывном численнике покажется красная цифра 6 и под ней будет написано звучащее крещенской морозной водою слово «Богоявление». Завтра пойдём на Иордань!

УЧИТЕЛЬ ДОБРОТЫ

Жил в позапрошлом веке грустный, добрый человек. Звали его Рихард фон Фолькманн. Был он знаменитым на весь мир профессором хирургии. Много разных методов лечения придумал он, и с помощью их раненых спасали от неминуемой смерти. До сих пор доктора пользуются его изобретением — антисептическим лечением ран. Но мало кто знал и знает, что профессор придумывал также сказки и печатал их, скрываясь под псевдонимом. Как и в жизни, в них много несчастий и грусти, но конец у них — неизменно счастливый. Даже грешник в аду получает утешение в одной из сказок Фолькманна...

Перед вами четыре его сказки из Лейпцигского издания 1909 г. На русский язык они переведены впервые — нашим автором Р.А.Балакшиным (г. Вологда).

Ангельские крылья

Когда мать с дочкой гуляли по городу, люди часто останавливались и смотрели ей вслед. Девочка спрашивала маму, почему люди так смотрят.

— Потому что на тебе такое красивое новое платье, — отвечала мама.

Дома она брала свою дочь на колени, целовала, ласкала ее и говорила:

— Родная моя, если б ты знала, как я тебя люблю. Нет, никто не знает этого, даже твой отец.

Ах, что с тобой будет, если я умру!

Прошло время, мать заболела и на девятый день умерла. Отец девочки так горевал и сокрушался, что упал на могилу и в слезах говорил:

— Почему меня не похоронили вместе с ней!

Однако он скоро утешился, и через год взял себе другую жену, прекрасную, юную. Она была похожа на добрую фею из сказки.

После смерти матери девочка все время сидела дома. Забиралась на подоконник и смотрела в окно. Там был виден кусочек синего неба. Совсем маленький, как носовой платок.

Друзей и подружек у девочки не было. Рассердившись, они всегда дразнили ее. И новая мама не брала ее с собой на улицу. А когда девочка попросилась однажды с нею, то новая мама сказала:

— Как ты глупа. Что подумают люди, когда увидят меня рядом с тобой, такой бледной, худой и к тому же — горбатой. Лучше и не мечтай об этом.

Бедной девочке ничего не оставалось другого, как сидеть по-прежнему на подоконнике и молиться, смотреть на небо и думать о своей маме.

Настала зима, пришла и весна — на улице зазеленели листья, побежали ручьи, но горбатая девочка не могла этого видеть, она давно уже лежала в постели больная.

Как-то ночью ей приснилась мать. Она подошла к ней, взяла ее за руку и позвала к себе.

Наутро нашли девочку мертвой в постели.

Когда гроб с ее телом привезли на кладбище и готовились зарыть его в землю, никто не увидел, как с неба слетел ангел и сел возле гроба. Он постучал в крышку, словно это была дверь. Тотчас вышла девочка к ангелу из темного ящика, и ангел сказал ей, что сейчас отведет ее к маме, на небо.

— А разве горбатых пускают на небо? — робко спросила девочка.

— Милое дитя, — улыбнулся ангел. — Кто сказал тебе, что ты горбата?

С этими словами он прикоснулся своей светлой рукой до гладкого, кривого нароста на ее

спине и горб упал, как пустая скорлупа.

Что же скрывалось в горбу?

Два великолепных, снежно-белых, с шумом развившихся по воздуху ангельских крыла.

Девочка взмахнула ими и полетела с ангелом через сияющий солнечный свет в голубое небо, где, протянув руки, уже давно ждала ее добрая мама.

Богач и бедняк

По небесной дороге шли двое путников — богач и бедняк. На земле они жили по соседству: богач в большом, роскошном доме, а бедняк в худой, маленькой хижине. Богач всю жизнь копил богатство и жил в свое удовольствие, а бедняк провел жизнь в труде и молитве.

Смерти, как известно, безразлично — богатый или бедный, старый или молодой, красивый или уродливый, поэтому так случилось, что богач и бедняк умерли в один день.

Небесная дорога становилась все круче, богач часто останавливался и присаживался отдохнуть. Бедняк терпеливо ждал его.

Так подошли они к воротам Царствия Небесного. Богач уверенно постучал в них тяжелым привратным кольцом, ему не открыли. Рассердившись на задержку, он стал трясти ворота и колотить по ним кулаком. Тут ворота приотворились, апостол Петр пригласил путников войти и сказал богачу:

— Это ты так нетерпеливо ломился сюда? Ты должен понять, что здесь ты не на земле, твои богатства и важность здесь ничего не стоят.

Богач струсил и притих. Апостол Петр привел их в большую круглую залу с великим множеством дверей и сказал:

— Я отлучусь ненадолго, а вы отдохните тут и обдумайте, что каждый из вас хотел бы иметь в Царствии Небесном. Когда я вернусь, не церемоньтесь, просите, что угодно.

Святой апостол ушел и скоро вернулся, а богач и бедняк уже решили, что бы они хотели иметь в вечности.

— Говори сначала ты, сказал апостол Петру бедняку, однако тот и рта не успел открыть: богач, побоявшись, что бедняк отнимет у него счастье, жадно закричал:

— Я, я первый!

— Ну что ж, говори ты, — усмехнулся апостол.

Богач захотел, чтобы здесь у него был замок из чистого золота, какого нет даже у императора. Чтобы на завтрак ему всегда подавали шоколад, к обеду жареную телятину, яблочный паштет и молочный рис с жареной колбасой. Это были его любимые кушанья. У богача было столько пожеланий, что апостол Петр записывал за ним — все запомнить было очень трудно.

— Больше ты ничего не хочешь? — спросил он.

— Да, да, — вскричал богач. — Чтобы после завтрака у меня всегда была газета, а в подвале столько денег, что я не мог бы их сосчитать.

— Будь по-твоему, — сказал апостол, подвел богача к одной из дверей, впустил в нее богача и задвинул за ним большой железный засов.

Богач очутился в прекрасном, сиявшем светом и огнями дворце. В нем все было золотым — и стены, и полы, и потолки, кресла и столы, окна и даже стекла в окнах.

Богач надел зеленый шелковый, вышитой халат, сел в кресло, и ел, и пил, и все шло так отлично, как и представить нельзя. Каждый день он спускался в подвал и пересчитывал деньги, которым не было ни счету, ни меры.

Так промчалось пятьдесят, и еще пятьдесят лет — целый век. А что такое целый век для вечности? Ничто. Пылинка.

Но богачу за эти сто лет роскошный замок так надоел, что он проклинал тот день, когда зашел сюда. Изюм в день телятина, паштет и жареная колбаса, изюм в день одна и та же газета, изюм в день пересчитывание денег, на которые здесь все равно ничего нельзя было купить.

Богач открывал окна дворца, смотрел вниз и вверх. Но как светло было в замке, так темно и черно было за окном. Такая страшная тьма, что вытяни руку и не увидишь пальцев.

В нестерпимо ужасной скуке проползла первая тысяча лет. На двери заскрипел засов и в замок вошел апостол Петр.

— Как самочувствие, ваша милость? — спросил он.

— Ах ты, старый обманщик, — топая ногами и брызжа слюной, завопил богач. — Ты зачем посадил меня в эту тюрьму?

— Разве я? — удивился апостол. — Я только исполнил твое пожелание.

— Ты же знал, что нет мочи терпеть, когда тысячу лет повторяется одно и то же?

— Конечно, знал, — согласился апостол. — Но ведь нужно очень хорошо подумать, что хочешь иметь в вечности, а ты так спешил, что не дал своему разумному товарищу слово вымолвить.

— Вот он ваш хваленый рай! — горько проворчал богач.

— Ты что же, полагаешь, что ты в раю?

— А где же я? — ахнул богач.

— В аду.

Тогда понял богач и эту невыносимую скуку, и мрачную тьму за окном, упал в кресло и отчаянно зарыдал.

Святой Петр стоял возле него и считал его слезы, и когда насчитал их сто тысяч, сказал ему:

— Ну, хорошо. Пойдем со мной, я тебе что-то покажу.

Они поднялись по лестнице на чердак, долго блуждали там среди всякого хлама, пока пришли в маленькую тесную комнатку. Апостол Петр отворил вверху стены оконце, на лоб упал ему лучик света и богач увидел, как язычок пламени вспыхнул на лбу апостола.

Петр придвинул к стене табуретку и сказал:

— Теперь смотри.

Богач встал на табуретку, но оконце было высоко, он поднялся на цыпочки и в узенькую щелку увидел истинное Небо. Там на Своем облитом неземным светом троне восседал Господь во всей Своей славе, выше облаков и звезд. Вокруг летали ангелы, стояли святые угодники, и слышалось дивное пение.

— А это кто? — простонал богач. — Кто там сидит на скамеечке ко мне спиной?

— Это твой сосед, бедняк. Когда я спросил о его желаниях, он сказал, что хотел бы иметь всего лишь одну маленькую скамеечку, чтобы сидеть на ней у подножия Господня трона.

Апостол Петр неслышно ушел, а богач стоял, вытянувшись в струнку, смотрел в оконную щелочку и вечность текла незаметно — тысяча лет за тысячей.

Старая мельница

В давние старые времена в Тюрингии, близ Аполды, была старая мельница. Она выглядела как обычная кофейная мельница — с той лишь разницей, что была гораздо больше, и ручка у нее была не наверху, а сбоку. Эта мельница обладала удивительным свойством. Если в ее верхнюю часть заходила немощная морщинистая старуха, горбатая, без волос и зубов, то внизу она выпрыгивала молодой, краснощекой, нарядной девицей. Когда мельница работала, внутри нее что-то щелкало, скрипело и вскрикивало, как от боли.

Когда же молодая девчонка появлялась внизу, то у нее спрашивали, не страшно ли было перемальваться. А она отвечала весело:

— Что вы, ничуть. Это все равно что проснуться спозаранку. Ты хорошо выспалась, за окном светит солнце, поют птицы, шумят деревья. Потянешься — только косточки хрустят.

В одной глухой деревушке далеко от Аполды жила дряхлая старуха, которая слышала об этой мельнице, но никак не могла собраться, чтобы сходить туда. Однако ждать дольше было нельзя — вот-вот смерть придет. Собралась старушка и пустилась в дальний путь. Шла она долго, старые больные ноги еле несли ее, одолевали и кашель, и боль в спине, но она брела и брела вперед. Наконец пришла она к чудо-мельнице.

На скамье у мельницы сидел мельник — молодой парень. Засунув руки в карманы, он покуривал трубку, пуская кольца в небо.

— Нельзя ли мне, господин мельник, снова сделаться молодой? — спросила старушка. — Говорят, ваша мельница это делает.

— Правду говорят, — сказал мельник. — Как зовут тебя?

Старуха назвала свое имя.

Мельник зашел в мельницу и вынес оттуда большую толстую книгу.

— Сколько возьмете с меня? — полезла старуха за деньгами.

— Перемолка ничего не стоит, — ответил мельник. — Но вот здесь ты должна поставить свою подпись.

— Подпись? — перепугалась старуха. — Свою душу отдать в услужение дьяволу? Ну нет. Я набожная женщина и все же надеюсь попасть на небо.

— Что ты, бабка, — засмеялся мельник. — Какой дьявол? С этим у нас все чисто. Но в этой книге с точностью по дням и по часам записаны все прегрешения, какие ты совершила в жизни. Ты должна подписаться, что, когда перемелешься, повторишь их все снова.

Мельник посмотрел на опешившую старуху, заглянул в книгу и сказал насмешливо:

— С шестнадцати до двадцати шести лет записи идут густо, не по одной странице, к сорока годам поменьше, после сорока опять густо, ну а к старости — тут редко.

Старушка покачала головой и жалобно попросила:

— Нельзя ли там хоть кое-что повычеркнуть, милый господин мельник? Хотя бы только три строчки. Я скажу, какие. А то повторить все снова — это ужасно!

— Нет, — ответил мельник. — Только с таким условием работает мельница.

— Закройте вашу книгу, — недовольно сказала старуха. — Такая перемолка мне не подходит. Это все равно что переливать из пустого в порожнее. — И она побрела в родную деревню.

Когда старушка вернулась домой, вся деревня сбежалась смотреть на нее, помолодевшую.

— Бабушка, — удивлялись все, — вы такой и вернулись, какой ушли. Мельница изломалась или о ней все врут?

— Нет, не изломалась, и правду говорят о ней, — отвечала путешественница за молодостью. — Да не зря говорится: сколь ни мели, не получится из ржи пшеничная мучица.

Заржавленный рыцарь

Когда-то жил на белом свете жестокосердный рыцарь. Он беспечно проводил время на пирах и турнирах и никогда не подал милостыни ни одному нищему. Поздней осенью он возвращался в замок. На дороге к нему пристал нищий, который неотвязно бежал следом и канючил милостыню. Рыцарь долго не отвечал ему, но терпение у него лопнуло. Он остановил коня, подозвал нищего и, когда тот приблизился в надежде получить подаяние, вплепнул ему в щеку такую оплеуху, что бедняга кубарем полетел в канаву. Глядя, как он плюхается в холодной

осенней воде, рыцарь расхохотался:

— Ну что, получил полновесный гульден?

Но Бог наказал злого рыцаря. С того дня его рука стала ржаветь, вся она — от кончиков пальцев до плеча — покрылась рыжей шелушившейся ржавчиной. Врачи, лекари и знахарки, к которым он обращался, оказались бессильны исцелить его недуг. Тогда он надел на руку перчатку, которую не снимал ни днем, ни ночью, чтобы никто не видел его позора. Он чаще стал задумываться над своею жизнью и круто изменил ее — оставил прежних друзей, пиры и турниры и женился на прекрасной кроткой девушке.

Молодая жена с удивлением заметила, что ее красивый благородный муж никогда не снимает с руки перчатку. Однажды, когда он крепко спал, она украдкой расстегнула перчатку и увидела ржавую руку. Она поняла, что тут кроется какая-то тайна. На другое утро она сказала мужу, что пойдет в лес, помолиться в часовне.

В лесу недалеко от замка возле небольшой часовни жил в келье монах-отшельник. Он не раз ходил в Иерусалим поклониться Святому Гробу, вел богоугодную строгую жизнь, молва о которой разносилась далеко. Из разных земель к отшельнику приходили люди за вразумлением и помощью.

Жена рыцаря поведала отшельнику о своем ужасном открытии и просила у него совета. Отшельник удалился в келью, долго молился там и, когда вышел, сказал:

— Много зла и несправедливости совершил твой муж. Он убивал людей, презирал нищих, гнал убогих. Любил только самого себя и свое тело. За это Бог наказал его. Сам он пока далек от полного раскаяния, ему может помочь молитва близких людей о нем, о его душе. Если ты пойдешь нищенствовать — босиком, в рваных лохмотьях, — если ты соберешь сто золотых гульденов и отдашь их в храм в пользу бедных, тогда Господь может смилостивиться над этим грешником. Готова ли ты совершить такой подвиг?

— Я хочу этого, — сказала жена рыцаря. — Я перенесу все страдания и лишения, только бы избавить его от гнева Божия. Пока ржавчина захватила его тело, хуже будет, если заржавеет и его душа.

С этими словами жена рыцаря поклонилась отшельнику и пошла в лес. В лесу ей повстречалась собиравшая хворост старуха в старом лоскутном пальто и грязной рваной юбке. Пальто было такое старое, что лоскуты, из которого оно было сшито, давно стали одного цвета.

— Бабушка, — сказала ей молодая женщина, — если ты мне отдашь свои юбку и пальто, я охотно дам за них все свое золото и одежду.

— Стыдно, барышня, насмеяться над бедными людьми, — ответила старуха. — Я довольно пожила на свете и еще не видела человека, который менял бы богатую шелковую одежду на отрепье.

Жена рыцаря, не говоря ни слова, сняла с себя платье и подала его старухе.

— Что же ты собираешься делать в моей одежде? — суетливо переодеваясь, спросила старуха.

— Нищенствовать, бабушка, — ответила женщина, надевая на себя скверные лохмотья.

— Ну что же, — сказала сборщица хвороста, — лучше нищенствовать на земле, но получить награду на Небесах, чем благоденствовать здесь и не получить ответа у Небесных врат. Послушай, я научу тебя нищенской песне:

По белому свету скитаться
И сутками голодать.
Слезами с тоской умываться
И, где придется, спать.
И, хлеб посыпая пеплом,
Сказать спасибо тому,
Кто в рубище этом ветхом
Пустит тебя к огню.
Вот горькая нищих доля —
Душою и телом скорбеть,
Былинкой качаться в поле,
Унылые песни петь.

— Какова? Чудесная песенка? — сказала старушенция и, накинув на плечи шелковую накидку, резво прыгнула в кусты. Она испугалась, что богатая чудачка передумает и заберет подарок назад.

А жена рыцаря побрела по дороге. Она устала и проголодалась. Навстречу ей попался зажиточный крестьянин, важный и дородный, который подыскивал себе служанку.

— По белому свету скитаться и сутками голодать... — дрожащим голосом запела молодая женщина и протянула руку:

— Дайте, добрый человек, корочку хлебца.

Крестьянин увидел, что, несмотря на лохмотья, это молодая и красивая женщина, и сказал:

— Зачем тебе нищенствовать? Я беру тебя в служанки. Ты получишь к Пасхе кулич, жареного гуся, а к Рождеству — один гульден и новую одежду. Ну что, по рукам?

— Нет, — возразила нищенка. — Богу угодно, чтобы я жила подаванием.

Крестьянин не ожидал отказа, рассердился и сказал едко:

— Богу угодно? Забавно. Ты что, обедала с Ним? Случайно не было чечевицы с сосисками за столом? А может быть, ты Его родственница, если так хорошо знаешь, что Ему угодно? Лентяйка! Ты не хочешь работать. Скройся с глаз, пока не получила колотушку!

Уже под вечер молодая женщина пришла в город. На главной улице лежали два больших камня. Она села на один из них, протянула руку и запела песню. Как вдруг на нее налетел нищий с костылем.

— Эй ты, грязная неряха, — гаркнул он, замахнувшись костылем. — Проваливай отсюда подобру-поздорову. Вишь, какая сыскалась ловкая. Отбивает моих клиентов. Я арендую этот угол. Проваливай поживей, а не то мой костыль загуляет по твоей спине, как смычок по скрипке.

Усталая, голодная и униженная поднялась жена рыцаря и побрела дальше. Много дней шла она, попрошайничая, пока не достигла чужой страны. В большом незнакомом городе она приютилась у церкви. Днем просила милостыню, а ночью спала на церковных ступенях. Кто подавал ей пфеннинг, кто швырял в подол юбки геллер, а кто бранился, как тот крестьянин. Миновало более полугодя, когда она скопила первый гульден. Оставалось еще девяносто девять. Она подумала, что ей может не хватить всей жизни, чтобы собрать их. Но она еще усерднее молилась Богу о муже, тем более, что в это время у нее родился сын. Она оторвала от полы пальто широкую полосу, завернула в нее ребенка. Если он не засыпал, она пела ему колыбельную:

Засни на моих коленях
И глазки свои закрой.
Отец твой имеет замок,
А мы без дома с тобой.
Отец твой — богатый рыцарь,
Он в бархат и шелк одет.
А у тебя, малютки,
Рубашки хорошей нет.
Он пьет богатые вина,
Не ведает о нужде.
А мы живем с тобою
На хлебе и на воде.
Но мы не ропщем с тобою,
Мы молим всегда Творца.
Услышит Он наши молитвы,
Спасет твоего отца.

Слушая песню, люди останавливались, разглядывали ее и ребенка и давали милостыню щедрей, чем раньше.

А рыцарь, не дождавшись в тот день своей жены домой, оседлал коня и пустился на ее поиски. Сперва он приехал к отшельнику.

— Не знаешь ли ты, — спросил он, — где моя жена?

— Знаю, — сурово ответил тот. — Как знаю и то, что тебе до нее так же далеко, как до солнца, ибо ты прогневил Бога.

— Чем же я прогневил Бога? — удивился рыцарь. — Разве не я гнал копьем нечестивых сарацин в пустынях Палестины, не от моего ли меча бежали безбожные мавры в испанских ущельях?

— Ничего не значат твои бои и походы, — обличал его отшельник. — В них ты искал своей славы, тешил себя самого. А не ты ли жил в роскоши и довольстве? Не ты ли презирал бедных и оскорблял их? Не тебя ли Бог наказал за это ржавчиной? Поэтому твоя добродетельная жена оставила тебя. Она молится за тебя, чтобы спасти твою душу.

Рыцарь почувствовал правду в словах отшельника, они пробудили в его душе раскаяние и укорины совести. Он опустился на колени, заплакал.

Отшельник положил руку на его плечо и сказал ласково:

— Слушай, что я тебе скажу, и ты найдешь свою жену. Начни делать добро — защищай слабых, помогай бедным, утешай страдающих. Путешествуй от церкви к церкви и найдешь жену.

Рыцарь вскочил на коня и с молитвой тронулся в дальний путь. Он странствовал от деревни к деревне, от города к городу. С той поры не было надежней защитника у слабых и обиженных, чем он. Его острый меч и тяжкая палица наводили страх на разбойников с большой дороги, его седельные сумки, наполненные золотом, были открыты для обездоленных и нищих. Его уста, привычные к грубой ругани и издевке, теперь источали слова утешения и поддержки.

Он объехал много церквей, но нигде не обрел своей дорогой супруги. На исходе третьего года странствий он очутился в том городе, где на церковной паперти нищенствовала его жена. Еще издали она увидела его — высокого, статного, с когтем коршуна, сверкавшим на верхушке его боевого шлема. Она надвинула на голову старое, уже совсем обветшавшее, пальто, чтобы он не узнал ее, ведь она собрала к этому времени только два гульдена.

Услышав его мерные шаги и звон шпор по каменным плитам, она сжалась в комочек. А

рыцарь увидел ее, это рублище, этого милого кудрявого мальчугана на ее коленях, и сердце его, теперь преисполненное участия и ласки к людям, разрывалось от сострадания к ней.

— Помолись обо мне, бедная женщина. Я так несчастен, — сказал он и положил к ее ногам тяжелый кошелек.

Зная его прежний нрав, жена рыцаря догадалась о происшедшей с ним перемене. Его голос всколыхнул в ее сердце воспоминания о днях былой любви. Но открыться ему она не могла. И от этого она заплакала.

— Не плачь, — сказал рыцарь. — Поверь, годы твоих страданий позади. В этом кошельке сто гульденов, их надолго хватит и тебе, и твоему малышу. Пусть лучше я стану нищим, но выживите, не зная нужды.

Жена его зарыдала.

— Что с тобой, женщина? — спросил рыцарь, наклонился и заглянул ей в лицо. В следующий миг он подхватил ее вместе с сыном на руки и, высоко подняв их над головой, закричал, ликуя:

— Хвала Всемогущему Богу, я нашел жену и сына!

Они вложили кошелек с деньгами в церковную копилку, помолились на дорогу и отправились домой. Жена с сыном сидели на коне, а рыцарь шагал рядом и не сводил с них глаз. Когда они оставили город и были одни, жена попросила рыцаря подать ей руку. Она сняла с нее перчатку. Рука благородного рыцаря была чистой и белой, как в юности.

К.К. Романов (К.Р.)

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.
Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

И.С. Никитин

Молись, дитя! Сомненья камень
Твоей души не тяготит.
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.
Молись, дитя! Тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.
Быть может. Ангел твой Хранитель
Все эти слезы соберет.
И их в надзвездную обитель
К престолу Бога вознесет.
Молись, дитя! Мужай с летами
И, дай Бог, в пору зрелых лет
Таковыми ж светлыми очами
Тебе глядеть на Божий свет.
Но, если жизнь тебя измучит,
И ум и сердце возмутит,
Но, если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит, —
Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обними:
Ты примиришься с Небесами,
С самим собою и людьми.
И вновь тогда из райской сени
Хранитель Ангел твой сойдет,
И за тебя склонив колени,
Молитву Богу вознесет.